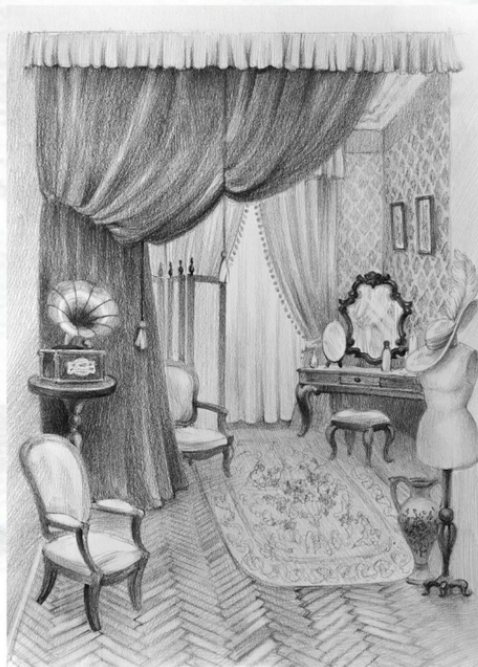
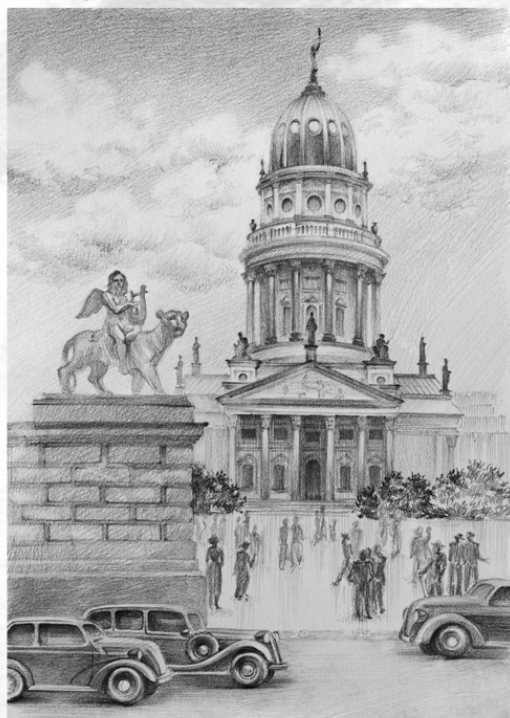

Наталья Барикова

Обратная сторона долга

Наталья Барикова
Обратная сторона долга

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Барикова Н.

Обратная сторона долга / Н. Барикова — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

ISBN 978-5-532-05473-8

Молоденькая русская девчушка направляется в качестве разведчицы в подконтрольный немцам город. С помощью своей напарницы девушка попадает в штат работниц местного театра. Начат опасный виток жизненного пути, каждый шаг по которому заставляет её задавать себе всё больше вопросов. Сможет ли она выполнить возложенное на нее задание? По силам ли ей, совершенно неопытной в области отношений мужчины и женщины, совладать с жестким нравом прожженного жизнью немецкого офицера? Что окажется сильнее – любовь или долг? И как остаться собой среди всего того кошмара, который является неизменным спутником жестокого отрезка времени, имя которому «Война»?

ISBN 978-5-532-05473-8

© Барикова Н., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

ГЛАВА 1

Шел 1943 год. Февраль разгулялся не на шутку. Машина, в которой ехала я, то и дело останавливалась. Измученный шофер устало выходил на улицу, открывал капот, чтобы исправить неполадки, издавал тихое ругательство себе под нос, и мы двигались дальше. Холод. Пронизывающий, непрекращающийся холод той ночи знаменовал начало нового отрезка в моей жизни. Мысли назойливым, беспокойным роем кружились в моей голове: «Справлюсь ли я с поставленной задачей? Смогу ли оправдать доверие? По силам ли мне все это?» Я никогда не отличалась особой уверенностью в своих силах, мне всегда казалось, что я что-то не смогу сделать, довести до конца, что есть кто-то, кто сможет сделать это лучше меня. Хотя время, проведенное в разведшколе, дало свои результаты. Я стала более собранной, меньше отвлекалась на мелочи и более-менее могла доводить начатое до желаемого финала.

Ход моих мыслей прервал звук зажигаемой спички. Аида Львовна курила, наверное, десятую сигарету за последние пару часов.

– Не бережете вы себя, Аида Львовна, – с улыбкой проговорила я.

– Все равно скоро помирать, чего уж себя тут беречь, – Аида Львовна глубоко затянулась тлеющей сигаретой и с наслаждением закрыла глаза.

Я смотрела на нее с восхищением. Эта пожилая женщина невысокого роста с белыми, как снег, волосами, для своего возраста была невероятно красива и обладала нескончаемым запасом оптимизма. Откуда она черпала это бесконечное жизнелюбие и трезвый взгляд на жизнь было загадкой для всех, кто проходил обучение под ее руководством.

– Катя, ты всю дорогу молчишь. Думай, есть ли какие-либо еще вопросы у тебя. В ближайшее время я не смогу выйти на связь с тобой, ты будешь предоставлена сама себе.

– Да нет у меня вопросов. У меня в голове только мысли о том, справлюсь ли я.

– Ласточка моя, – Аида Львовна всегда так ласково называла девушек, которых готовила к заданию. – Я верю в тебя, ты одна из моих лучших учениц.

– Аида Львовна, я ведь сомневаюсь не в своей подготовке, не в своей верности делу. Я сделаю все для своей Родины. У меня сомнения только насчет того, смогу ли я справиться с той ролью, которая на меня возложена. У меня совершенно нет опыта в этой области. Мужчины для меня – непрочитанный раздел книги с неразборчивым шрифтом.

Аида Львовна задумчиво смотрела на меня так, будто осознавала, что на плечи восемнадцатилетней девочки возложили ох какую непростую и тяжелую задачу. Хотя и понимала, что девчушка с двумя смешными косичками, которая сидела рядом с ней была на многое способна. Она знала, что ресурсы моего подсознания, харизмы и внутренней силы были неисчерпаемы, стоило только приложиться к их источнику в экстренной ситуации.

– Я знаю, ласточка, знаю. Мне так жаль, что в столь юные годы тебе придется зарабатывать такой неприятный опыт. Но война не дает нам выбора. Она, проклятая, уже так много судеб искалечила, и еще столько же разрушит, если мы ничего не сделаем. А насчет всего остального, помни, мы прорабатывали с тобой. Смотри на себя со стороны. Ты играешь роль. Это не ты. Так легче будет справиться.

Я смотрела на эту, такую порой жесткую в процессе обучения женщину и понимала, что она лично сейчас надеется на меня, как на лучшую ученицу её последнего выпуска. Она сама сейчас смотрела на меня с такой непоколебимой верой, что мне стало невольно стыдно за то, что я не могу верить в себя так, как верит эта выдавшая на своем веку немало сложностей наставница.

– Повторим еще раз твою легенду, – уже более резким тоном проговорила она, загасив сигарету.

– Я дальняя родственница Ани. Родители погибли. Приехала к ней с целью устроиться на работу. Отличный немецкий, умение танцевать и играть на фортепиано – заслуга покойной бабушки, преподавательницы кафедры литературы и искусств в институте в Белгороде.

В начале войны попала в детский дом, став совершеннолетней решила найти родственников. Ну... все, – я старательно пересказала Аиде Львовне заученную биографию.

Собственно, единственной разницей между моей героиней и мной было то, что я никогда не жила в Белгороде и моя бабушка была простой учительницей немецкого языка. Поэтому заучивать особо ничего и не пришлось.

– Молодец, теперь слушай внимательно, – сделав знак шоферу остановиться Аида Львовна продолжала уже более сосредоточенным тоном. – Сейчас ты выйдешь и отправишься вдоль дороги, держась правой стороны. Метров через пятьсот увидишь развилку, остановишься и сделаешь три прерывистых свиста. Из леса выйдут наши связные. Их будет двое. Пароль на все время у тебя один, ответный так же. Они проведут тебя в центр города и покинут. Дальше сама. Адрес агента знаешь. Все нюансы задания обсудишь уже на месте. Никому не верь, полагайся исключительно только на себя, все решения по заданию принимаешь ты. Спустя пару недель на тебя выйдет наш человек. Через него можно будет связаться с штабом в исключительно неразрешимой ситуации. И запомни, у агента, с которым ты работаешь – своя цель, а у тебя – своя. Если что-то пойдет не так, наш человек тебя выведет. Пароль «кукушка», ответный «время идет». Запомнила?

– Да.

– В сумке документы. Теперь ты – Екатерина Дмитриевна Воронова. В случае чего эти данные пройдут проверку. Насчет этого не переживай.

– Хорошо, я все поняла.

– И помни! Играй, ласточка, играй! Это величайшая партия, сыграв которую ты спасешь не одну тысячу жизней. А теперь вперед, солдат! – строго отчеканила она и я вышла из машины.

С грустью посмотрев вслед отдалявшемуся автомобилю я отправилась в путь.

«Ну что, Екатерина Дмитриевна Воронова, добро пожаловать на дорогу в один конец, обратного пути нет», – прошептала я себе и быстро зашагала по пустынному пути вдоль леса. Вдали виднелись огоньки города. Они были совершенно маленькими, яркими, и в окружающей темноте казались мне предвестниками чего-то грандиозного и важного в моей жизни. Странно, но именно в этот момент мне в голову пришла мысль, что все будет хорошо, иначе и быть не может.

Очутившись у развилки, я свистнула три раза и из глубины леса вышли двое мужчин, одетых в маскировочную форму.

– Кукушка, – прохрипел низким басом один из них.

– Время идет, – ответила я с облегчением.

– Меня зовут Алексей, – сказал солдат с хриплым голосом. – А это Аркадий, – кивнул он на товарища. – Пойдем быстрее, скоро светать будет, в город нужно попасть пораньше, пока фрицы будут проводить смену патрулей. Замерзла, поди, дрожишь как осиновый лист, – беспокойно заговорил он.

– Нет, все хорошо, это нервы, – ответила я, едва поспевая за быстро передвигающимися по ночному лесу проводниками.

Не прошло и получаса как мы подошли к городу со стороны старого завода. Найдя лазейку, мы по очереди перебрались за забор. В городе царил тишина, лишь кое-где слышался вой собак.

– Надо подождать. Комендантский час закончится через четверть часа, и пойдут рабочие с ночной смены. Затеряемся среди них и выйдем к центральной площади, – проговорил Алексей.

Я стояла порядком уже замерзшая и решила оглядеться. Перед нами был старый завод по производству оборудования для тяжелой промышленности, который в настоящее время был переведен в стратегически важный объект немецкой армии, поскольку на нем производили

львиную долю комплектующих для оружия. Я поморщилась. Мне была неприятна мысль о том, что построенное моим народом во благо, сейчас работало во вред ему, и все благодаря немцам.

Послышался гул сирены, который оповещал о том, что ночная смена закончена и все могут расходиться. Тяжелые железные ворота завода с тяжким скрежетом отворились и на улицу вышли около сотни рабочих. Мы поспешили затеряться среди них и успешно вышли к центральной площади.

– Пройдешь по главной улице метров триста. Увидишь хлебную лавку, свернешь за ней налево и пойдешь вдоль улицы. Справа увидишь дом с нарисованными на заборе цветами. Это и будет твое место назначения, – проговорил Алексей, на прощание по-отечески потрепав меня по плечу. – Ну, давай, девка, не подведи.

– Не подведу, – улыбнулась я и наши пути разошлись.

ГЛАВА 2

Подойдя к дому и быстро прошмыгнув в деревянную калитку, я поднялась по ступенькам и прислушалась. За дверью звучал спокойный разговор двух женщин. Я постучала и разговор стих. Дверь открылась и на порог вышла молодая стройная девушка с темными волосами.

– Здравствуйте. Что Вам нужно? – строго спросила она.

– Время идет, – я произнесла пароль, настороженно всматриваясь в черные глаза девицы.

– Кукушка, – ответила она и распахнула дверь, приглашая войти.

В доме было необычайно уютно, пахло пирожками и ромашковым чаем.

– Проходите, будем знакомиться, – девушка повернулась ко мне и, помогая снять пальто, представила свою мать. – Это моя мама, Мария Дмитриевна. Мама, это моя подруга. Помнишь, когда я ездила в лагерь после школы в одиннадцатом классе, мы там с ней познакомились. Я тебе говорила, что у нее вся семья погибла и ей нужна работа в городе. Она немного поживет у нас, пока устроится, хорошо?

– Деточка моя, да конечно! Кто ж поможет еще в такое время трудное? Проходи, родимая, я сейчас чайку налью, пирожков свеженьких поешь. Анька, – женщина обратилась к дочери своей. – Чего стоишь как истукан? Давай быстро подкинь дров в печку, вон уже почти погасла. Девка гляди замерзла как!

– Тебя-то как зовут? – Мария Дмитриевна внимательно смотрела на меня.

– Катя, – я блаженно улыбнулась, схватив кружку с чаем и с жадностью откусывая пирожок.

– Ешь, ешь, а то погляди какая костлявая, – она вздохнула и тихонько прошептала «проклятая война», а вслух добавила, – Анька, ты тут уж сама со своей подругой. Накорми, воду нагрей, пускай выкупается. А мне бежать на работу пора, котельная сама топить этим окаян-ным не будет.

– Да, мам, конечно. До завтра, – Аня чмокнула женщину в щеку и когда за Марией Дмитриевой закрылись двери и стихли шаги на улице, под села ко мне за стол.

– Значит ты, Катя, у нас особо важный тайный агент, – на ее лице промелькнула добрая улыбка.

Наверное, никак в ее понимании не сочеталась моя внешность с тайным агентом, которого она ждала. Ведь перед ней сидела худенькая девчушка лет восемнадцати с длинными русыми волосами, зелеными глазами и тоненькими пальцами рук, которые держали крепко-крепко пирожок.

– Я знаю, что ты думаешь. Что я молодая и куда там мне до агентуры. Но, как говорят, внешность обманчива, – нахмутив брови проговорила я.

– Да ладно, я ничего такого не думала, – Аня поняла, что задела меня и уже более серьезным тоном добавила. – Я сейчас посвящу тебя во все детали. Информация из первых рук как говорится, – она подошла к столу и вынула из ящика несколько фотографий немецкого офицера.

Я узнала эти фотографии. Такие же точно снимки мне предоставляли для ознакомления с предстоящим делом.

– Это майор Алекс фон Рихтер. Непростая рыбка, но золотая. Через него проходят самые важные документы, касающиеся всей информации по нашему региону. Начиная от поставок оружия и заканчивая стратегическими картами наступления. Штаб, в котором он служит, подконтролен напрямую самому фюреру. Информацией ведает самой что ни на есть жизненно необходимой нам. Скоро начнется наступление в восточном направлении. Нашей армии нужна помощь. Добыть информацию удастся только тому, кто будет в непосредственной близости к его штабу и иметь неограниченный доступ лично к нему, – Аня многозначительно посмотрела на меня и продолжила, – мы выходим на него уже полгода, но ни на йоту не продвинулись. Уж слишком птичка рьяно охраняет свое гнездо. Это одно. Второе и самое главное – перед наступлением на восток он вернется в Берлин. Нужно выстроить отношения так, чтобы ты могла уехать с ним.

– Аня, объясни мне, почему выбрали меня? Почему я? Для меня данная тема – дремучий лес. Ты намного красивее меня, раз ты не смогла найти к нему лазейку, как смогу я?

Аня посмотрела на меня, задумчиво приподняла мое лицо за подбородок и проговорила:

– Потому что ты, моя дорогая, просто невероятно похожа на его покойную жену. И, кроме того, я пасу сейчас другой объект не менее важный. Нужно решать что-то с заводом. А у меня только-только начались сдвиги в этом направлении.

После этих слов я потеряла дар речи.

– То есть я буду должна сыграть на горе человека?

– Да, – просто ответила Аня.

Поразмыслив немного я спросила:

– А если он не клюнет?

– А ты сделай так, чтоб клюнул! У тебя одной такой козырь на руках. Мы этот козырь более полугода искали против него, – ответила девушка, поглядев из-под лба на меня. – Можно было бы попробовать еще через кого-то, но мы исходили из человеческих качеств объекта. Нужен был кто-то из них более-менее человеческий, поскольку задание то с продолжением.

– Хорошо, – тоном подчиненного солдата ответила я. – Что еще о нем?

– Красивый гад. Правда, он просто бесподобный. Воспитанный, благородный. Не пьет, в карты не играет, любовниц нет. Я не могу даже за прошедший год назвать хотя бы одну девушку, которой бы он покровительствовал. Когда он приходит в театр, да, он сидит, потягивает бокал вина, общается, может сыграть в карты, но... Он как будто потерял вкус к жизни. Я здесь всех офицеров знаю прекрасно. Кто-то бабник, не вылезаящий из постели местных шлюх, кто-то любитель выпивки и драк, кто-то картежник заядлый, кто-то без ума от запаха крови, проливаемой на войне. А этот. У него все ровно. Он просто выполняет работу и не более. С таким всегда тяжелее, не знаешь на какой крючок его подцепить. Все делает по расписанию, все четко. Образец их хваленой немецкой педантичности. Если бы все фрицы были такие, мы бы давно проиграли войну. Сначала была мысль попробовать действовать через любовницу их оберста, но там тупик, женщина на контакт точно не пойдет, – она положила фотографию на стол. – Ты играешь на чем-то?

– На фортепиано, – я задумчиво смотрела на Аню. Данное ней описание немца ничем не отличалось от того, которое я получила в штабе.

– Как у тебя с немецким? – Аня с опаской посмотрела на меня.

– Отлично! – усмехнулась я, проговорив несколько фраз на чистейшем немецком языке так, что у Ани округлились от удивления глаза.

– Невероятно! Не знай я тебя, то подумала бы, что общаюсь с немкой.

– Я знаю. Моя бабушка была учительницей немецкого языка. Да и перед заданием пришлось шлифовать произношение. Так что на этот счет у меня голова не болит.

– Отлично. Работать мы будем в местном небольшом театре. Это не бордель, сразу тебя успокою. Это культурное заведение. Туда фрицы приходят в основном с постоянными любовницами. Это более-менее нормальное заведение в городе, так как рассчитано на элитный состав немецкой армии. Офицеры ведут себя вполне сносно, рук не распускают, но из всего бывают, конечно, и исключения. Кто зря попасть туда не может. Я смогла провести тебя в штат только благодаря тому, что поддерживаю отношения с штурмбанфюрером. Его зовут Фридрих фон Штейге. Не исключено, что он захочет с тобой пообщаться на предмет твоего отношения к рейху и прочего. Но так как ты моя горячо любимая родственница, он не будет сильно донимать тебя расспросом.

– Что он за человек?

– Слишком амбициозный и самовлюбленный немец! Это ему во многом помогает. Делает успешные шаги в карьере. Любит лезть. Пара слов о том, как он прекрасно играет в покер – и он твой навеки, – усмехнувшись, Аня щелкнула пальцами.

– Ты с ним спишь? – я покраснела, задав такой прямой вопрос.

– Нет, у нас этап затянувшихся ухаживаний. Я ему действительно нравлюсь и он, как настоящий джентльмен, будет продолжать эти ухаживания, пока дама сама не решит, что ее сердце навеки принадлежит ему и не упадет в его объятия, – Аня наиграно всплеснула руками и упала на кровать.

Смешная была эта Аня. Она бы точно понравилась Аиде Львовне.

– Катя, если честно, я очень переживаю, задание непростое. Мужчина и все такое. Но он более-менее из всех них человеческий. Если все пойдет так, как надо, я думаю, что ты со всем справишься.

– Я понимаю. Сделаю все возможное и невозможное, – устало проговорила я.

– Так, тебя же одеть нужно прилично! Красоту свою показать. Ан, такого ястреба поймать нужно, – Аня вскочила и засмеявшись пошла в соседнюю комнату.

Минут через пять она вернулась, неся в руках платье ярко-красного цвета. Я такой красоты не видела никогда.

– Один из плюсов во всем этом, что поклонники – чертовы немцы. Вещей у меня полный шкаф. Держи, тебе подойдет.

Я смотрела на новую знакомую и ее позитивный настрой, несмотря на все происходящее, вызвал у меня улыбку.

– Великолепное, – я прислонила платье к себе и с вождением провела рукой по приятной нежности шелковой ткани. – Скажи, пожалуйста, как оно, крутиться среди немцев? – нахмурилась брови спросила я у Ани.

Аня задумалась. Она долго смотрела на меня, начиная видимо осознавать, что перед ней сидит испуганная девочка, на плечи которой упало задание в той сфере жизни, в которой она была совершенно неопытна. Присев рядом она взяла меня за руку.

– Катюша, я не знаю, что тебе сказать. Каждый из нас вносит свой вклад в победу на этой войне. Поскольку, какая бы ни была принесена жертва – она как зернышко, из которого вырастает колосок надежды. Один и еще один, а там глядишь и это уже целое поле, которое так нужно нашей стране в это ужасное время. Думаешь мне легко в спину слышать презрительно брошенные реплики? Просто за то, что мне приходится улыбаться каждому офицеру в форме. Услышишь и не оборачиваясь идешь дальше. Я ведь знаю, что делаю благое дело. А то, что оно внутри у меня не столь важно сейчас. Поэтому думай о том, что если не мы, то никто. А немцы, – Аня махнула снисходительно рукой, – мужики везде одинаковые.

– Я не боюсь. Не по себе просто. Ладно. Давай готовиться к вечеру, – я нахмурилась и начала снимать свою дорожную одежду.

– Ты иди и прими ванну. Потом поспи пару часов, а то свалишься еще во время игры на фортепиано, – Аня засмеялась и ее смех прогнал все сомнения в моей душе.

Изрядно уставшая и расслабленная после принятой ванны я заснула крепким сном. Мне снилась мама, которая гладила меня по голове и пела колыбельную. Она как будто бы говорила, что все устроится, все пройдет хорошо, что она гордится мной. Ее теплый образ почему-то всегда приходил ко мне во сне в самые трудные жизненные моменты. Не исключением стал и сегодняшний дебютный день.

– Вставай, соня, а то опоздаем!

Открыв глаза и еле сообразив, где нахожусь, я увидела Аню, которая бегала по комнате с нагретыми щипцами для завивки волос.

– Садись, будем делать из тебя что-то более-менее соблазнительное, а то провалим задание с твоим то видом! Худая, бледная! Боже мой! Не обижайся только.

Я быстро умылась и села у большого зеркала. Под действием ловких рук Ани я превращалась в принцессу. Когда процесс был окончен и я посмотрела на себя, то была приятно поражена. На меня из зеркала смотрело прекрасное создание. Длинные русые волосы были уложены в прическу по последней моде из немецких журналов. Зеленые глаза обрамляли густые черные ресницы, так мастерски накрашенные Аней. На приоткрытых губах блестела красная помада, благодаря которой они приобрели пьянящий изгиб. Глубокое декольте еле прикрывало хоть и небольшую, но такую красивую грудь. Такое преображение накинуло мне еще пару лет на мой возраст.

– Боже мой, это я? Не может быть! Анька, ты волшебница!

– Чего только не сделаешь для того, чтоб дело не провалилось, – Аня игриво показала язык.

ГЛАВА 3

Здание, в котором располагался наш небольшой театр, ранее было милым ресторанчиком, в который прежде любили захаживать горожане для того, чтобы послушать пение какой-то местной знаменитости и расслабиться за бокалом вина под пьянящие звуки фортепиано или скрипки. Теперь же это был центр развлечения для немецких офицеров, куда они приводили своих любовниц, где играли в карты и смотрели на танцевальные номера и небольшие музыкальные спектакли, которые ставила Аня.

Аня любила танцевать. Учась в институте, она занимала первые места в городских танцевальных конкурсах и подрабатывала учительницей у младших школьников. Но это было так давно, оглядываясь назад, она уже, наверное, и не понимала, о ней ли была эта история. С приходом войны все изменилось. Уйдя в подполье, ее команда тщетно искала путь, как доставать информацию, ведь для этого нужно было быть в близком контакте с врагом. Как-то раз девушка, возвращаясь с работы, увидела объявление о том, что в местный так называемый «Театр музыки» требуется режиссер-постановщик. Так и закрутилось.

Пройдя внутрь помещения, моему взору предстала невероятно уютная обстановка, где каждая деталь говорила о том, что здесь царят порядок, практичность и основательность – три кита, на которых держался не только традиционный немецкий стиль интерьера, но и, пожалуй, Германия в целом. Я с грустью провела взглядом по стоящим пустым, натертым до блеска, дубовым столам, ждущим своих шумных посетителей, одиноко скупающей у входа скульптуре Афродиты, тяжелым бархатным портьерам темно-синего цвета, тоскливо обрамляющих небольшую сцену, и красавцу роялю, который чопорно стоял в углу и словно ждал, когда же кто-нибудь, наконец, сядет за него и разрешит разогнать томящую тишину пустынного зала. Между столами то и дело сновали молодые женщины, сервировавшие столы дорогими столовыми приборами. Вся обстановка говорила о том, что завсегдатаи этого заведения – люди не простого круга.

– Здесь у нас гримерка. Дверь закрывается на ключ изнутри, чтоб исключить попадание уж очень настойчивых поклонников внутрь. Проходи, – проговорила Аня, пропуская меня вперед в небольшой коридор, находящийся за сценой.

Я прошла в большую комнату, в углу которой стоял огромный шкаф с различными нарядами. Бесчисленное количество кружевных шортиков, юбочек, коротеньких платьиц, перьевых боа и париков было наполнением ему.

– Красиво здесь, – сказала я.

– Противно здесь, – отчеканила Аня. – Не будь это место для развлечения немцев, я безумно бы любила его, а так это просто мучение и не более.

– Аня, сколько лет Алексу? – спросила я, примеряя смешной рыжий кудрявый парик.

– Тридцать шесть.

– Вдвое старше меня, – протянула я.

– Ну, так это же твой конек, мужики падки на молодость. А если учесть, что ты очень похожа на его почившую женушку, то раз, два, и вуаля, он у тебя... – Аня не успела договорить.

– Между ног, – закончила я фразу за нее.

Аня посмотрела на меня строгим взглядом:

– Под каблуком я имела ввиду. Но на самом деле не все так просто, как может казаться.

К нему нужен особый подход.

Я нервно ответила:

– Будет ему подход особый, будь он неладен. Скоро мы поймем, что все пойдет как надо или провалится ко всем чертям. А сейчас мне нужно опробовать инструмент.

– Хорошо, идем, познакомлю тебя с нашим красавцем.

Я села за фортепиано и положила свои руки на клавиши. Черно-белые полоски мне маленькой казались такими красивыми, а чарующий звук, который они издавали, находил отклик в самых отдаленных уголках моей души. И как я могла знать, что именно этими клавишами я сыграю мелодию своей дальнейшей судьбы, когда Аида Львовна увидит меня, худенькую девчушку в платье в горошек с двумя смешными косичками на концерте в детском доме в Москве? Мои раздумья прервал громкий шепот моей новоиспеченной подруги:

– Катя! Пять минут до открытия! Быстро за кулисы!

Печально проведя пальцами по дорожке из клавиш я пошла в гримерку. Аня была уже одета в открытый костюм для танцовщиц кабаре, а рядом стоял высокий молодой человек с орлиным носом в костюме солдата.

– Это Александр, ну или просто Сашка, он мой напарник. Замечательный человек, прекрасный артист и музыкант, – торжественно представила она мне его. – Я вкратце посвятила его в тонкости нашего дела, – уже шепотом добавила Аня.

Я смотрела на молодого человека, а он в это время заливался ярким румянцем, который с головой выдавал тот факт, что я ему понравилась. Мне стало неловко. Чтобы как-то разрядить обстановку, пока Анька доводила до совершенства свой грим, я спросила у нового знакомого:

– Вы здесь уже давно, расскажите мне что-то о Алексее фон Рихтере. Любая мелочь может мне помочь.

Сашка быстро пришел в себя и уже со всей серьезностью сказал:

– Да что тут скажешь. На крупного зверя замахнулись. Занимает высокую должность в главном штабе. Раз в две недели конвой привозит документы в немецкий штаб, бумаги явно особого рода, раз возят с таким сопровождением. Он, оберст и еще один офицер подписывают их и конвой уезжает. Пару раз в месяц ездит куда-то, обычно по понедельникам, возвращается в среду. В этот вечер среды он сюда не приходит. У нас есть человек, который наблюдает за главным штабом. Так вот он это все докладывает – кто, к кому и когда. Как человек отличается особой сдержанностью, лишнего никогда не болтает, жестокостью не славится. Просто солдат, а не член банды головорезов, коими являются офицеры СС, например.

Сашка пару минут молчал и затем добавил:

– Катерина, что касается личной жизни майора, поскольку я думаю это главная часть твоего задания, то здесь могу сказать одно – никого. Ни постоянных, ни разовых женщин. Мужик ли он, – скривив губы в презрительной улыбке злобно проговорил парень.

Зазвучала музыка и Сашка с Аней вышли на сцену. А меня продолжили терзать мрачные мысли о том, смогу ли я справиться с этим заданием. Полгода работы с психологом при штабе! Были ли они? Сейчас мне предстояло встретиться лицом к лицу с мужчиной, на фотографию которого я смотрела за это время чаще, чем на себя в зеркало. И девочка в глубине души, несмотря на психологическую подготовку, начинала тихо плакать. Я подошла к столу, на котором стоял недопитый Аней бокал красного вина, и сделала глоток. Приятное тепло разлилось по телу и нервное напряжение немного отступило. И тут я услышала, как Анька, закончив свой номер, объявляет мой выход:

– А сейчас, уважаемые дамы и господа, я хочу представить вам изюминку нашего сегодняшнего вечера, юное дарование, мадмуазель Катерину. Она сыграет на фортепиано отрывок из пьесы Вагнера «Феи».

ГЛАВА 4

Занавес поднялся и я вышла на сцену. Странное чувство непреодолимого страха охватило меня. Оно длилось всего мгновение, но было настолько пронзительным, что я невольно закрыла глаза. По залу пробежал шепот и прозвучала насмешливая реплика:

– Наверное, мадмуазель поняла, что тонкая игра великого композитора ей не под силу.

Немцы так любили Вагнера, что мне было просто невыносимо противно играть эту тяжелую музыку. Я великолепно музицировала, чему была обязана моей строгой бабушке, которая при малейшей ошибке била меня по рукам. Когда я была малышкой, мне это казалось кошунством. Но теперь, о, бабушка, как я тебе благодарна! Я гордо вскинула подбородок и на чистом, без малейшего оттенка акцента языке, прекрасно отшлифованном в штабе подготовки разведчиков, бросила в зал фразу:

– Я сыграю, а кто усомнится в моем таланте после прослушивания, прошу на сцену проявить себя в том же качестве.

Сидевший за столиком в первом ряду немолодой офицер поднял бокал и громко сказал:

– Достойный ответ для такой юной особы. Давайте поддержим ее аплодисментами.

Все захлопали, а я заняла место возле фортепиано. Музыка всегда меня успокаивала. Раньше, когда становилось тяжело на душе, я садилась за старенький рояль в детском доме и под звуки мелодии уносилась в такое дорогое для меня прошлое. Туда, где не было войны, где я с братом сидела на кухне и уплетала мамины пирожки, а бабушка ворчала, что если я буду столько есть, то обязательно стану толстой, как тетка Марфа, бабушкина сестра, и меня никто не возьмет замуж. Я смеялась и игриво протягивала руку за следующим пирожком, а мама гладила по голове и говорила, что из меня в любом случае вырастет красавица независимо от количества съеденных мной пирожков. Сколько времени прошло! Как же это было мучительно больно вспоминать. И вот я здесь, среди ненавистных мне и моему народу фрицев играю не только музыкальное произведение, но и одну из самых сложных партий в моей жизни. Клавиши под моими пальцами запели волшебную мелодию. Я никогда не любила партии Вагнера, они были слишком тяжелы для моего восприятия. Но как нельзя кстати пригодились мне. Кто бы подумал! Я нахмурила брови. Рояль был плохо настроен, для неискушенного уха музыка, которую он издавал, была безупречна. Но не для меня. Я поморщилась, подумав, что бы сказала моя бабушка, услышав игру такого инструмента. Ход моих мыслей был прерван в считанные секунды. Кто-то резко взял меня за подбородок и молниеносным движением заставил подняться, тем самым прервав выступление. Вслед за молчанием рояля в зале тоже воцарилась тягостная тишина. Все смотрели на сцену. Опомнившись я подняла свой взгляд на человека и встретилась взглядом с невероятного небесного цвета глазами, в которых читалось сразу несметное количество обуревавших их обладателя чувств. Там был и гнев, и печаль, и надежда,

ненависть, что только я не увидела в этих глазах за то короткое мгновение. Передо мной стоял Алекс собственной персоной. Его пальцы крепко держали меня за подбородок, не давая опустить голову или отпрянуть в сторону. Кожей я чувствовала, как его рука едва уловимо дрожала.

– Простите, господин офицер, если вам не нравится, я могу сыграть что-либо другое, – придя в себя тихим голосом проговорила я.

Но немец молчал, пристально изучая мое лицо.

Из зала послышался оклик:

– Алекс, оставь барышню в покое. Дай ей доиграть. Черт бы тебя побрал! Чего ты выперся на сцену?

– Алекс наконец присмотрел себе девку, – хмыкнул другой, уже изрядно пьяный голос.

Молодой офицер отпустил меня и медленно окинув с ног до головы взглядом, который будто говорил мне, что наше знакомство продолжится, покинул сцену. Меня колотила дрожь. Я совсем, оказывается, не была готова так резко столкнуться с ним лицом к лицу. Доиграв это проклятое произведение я встала и сделала реверанс. Кто-то из немцев подарил мне цветы. В зале стоял громкий шум аплодисментов, который совершенно не заглушал гул от пульсировавшей крови в ушах. Я поклонилась и зашла за кулисы. В гримерке сидела Аня и нервно курила. Увидев меня она подскочила и обхватив за плечи зашебетала:

– Ну, дорогуша, я такого не ожидала. Видать ты и правда, как две капли воды с его женошкой. Видела бы ты его в тот момент, когда вышла на сцену. Он стал бледным, как полотно. У меня прям колени подкосились от радости, что зацепило его так быстро. Это же успех, Катька. Ну, держись, немчура чертов, теперь!

Анька была явно довольна тем, что я прошибла эту броню непоколебимости, которой славился гордый офицер вермахта.

– Где он сейчас? – спросила я.

Анька украдкой выглянула в зал.

– Не знаю. В зале его нет, вышел, наверное. Слушай, у меня сейчас еще два выступления. Потом я зайду переодеться и нужно же будет представить тебя Фридриху. Выйдем, посидим у него за столиком, я познакомлю тебя с офицерами, затем пойдем домой. А пока сиди в гримерке. Соберись с мыслями. Дверь запри и не открывай. А то мало ли.

– Да, конечно, – ответила я.

Анька под громкие аплодисменты выбежала на сцену, а я села на небольшую софу в углу комнаты и придалась мыслям о человеке, о котором так много слышала и которого только сейчас смогла увидеть вживую. Алекс был хорош собой, этого у него не отнять. Высокий, стройный, он был выше меня на целую голову. Тонкие черты лица, волевой подбородок и небесно-голубые глаза выдавали в нем чистокровного арийца. Какое-то невероятно теплое ощущение наполняло меня изнутри и придавало умиротворения. «Благо, что он хоть на жабу не похож, это облегчает мне задачу», – подумала я и улыбнулась. Звуки музыки стихли и зал взорвался аплодисментами. Аньку явно любили немцы. Это было немудрено. Яркая, веселая, с звонким смехом она приковывала взгляд любого, с кем оказывалась рядом.

– Фух, – выдохнула она и как легкая бабочка впорхнула в гримерку, затем плюхнулась на стул и потянулась за сигаретой. – Дай мне пару минут, кошмар как устала,

Сделав пару затяжек и бросив мне небольшой тубик сказала:

– Алекс, кстати, вернулся. Он за столиком с Фридрихом и еще некоторыми офицерами. Подкрась губы, совсем помаду всю съела.

Пока я красила губы и приводила себя в порядок, Анька успела переодеться в красивое черное платье с длинными кружевными рукавами и глубоко открытым декольте.

– Красота – страшная сила, – удовлетворенно проговорила она, довольным взглядом окидывая себя в зеркало, потом придирчиво осмотрела меня. – Подожди, последний штрих, – она

достала из ящика стола небольшой стеклянный пузырек и брызнув пару капель себе на запястье протянула его мне. – Настоящая мадмуазель должна благоухать дорогими духами.

Я нанесла несколько капель на декольте и блаженно закрыла глаза, ощутив, как пьянящий аромат окутал меня с ног до головы.

– Идем, – Анька ободряюще сжала мою ладонь и мы направились в зал, где за столом, богато уставленном разнообразными закусками сидели немцы.

– Жрут, скоты, и не давятся, – прошипела мне Анька, и с широкой улыбкой добавила, подойдя к столу, – господа офицеры, позвольте.

Один из них поднялся и галантно помог занять нам места. Мне досталось место напротив Алекса, Анька же села слева от меня.

– Я хочу познакомить вас с моей родственницей, Катериной. Девочка чрезвычайно талантлива, музицирует, танцует. Настоящая находка для нашего театра.

– Чистой воды бриллиант, – проговорил сидящий справа от меня офицер.

Мне стало неприятно от его пристального взгляда.

– О да, господин Габриель фон Вольф, вы, как ценитель истинной женской красоты, верно подметили, – и уже обращаясь ко мне проговорила: – господин майор славится тягой ко всему утонченному и дорогому. А это, Катюша, похититель моего сердца, господин Фридрих фон Штейге, непревзойденный игрок и ловелас, – Анька бросила на немца игривый взгляд и подала ему руку для поцелуя, которую тот довольно прижал к своим губам.

«Падок на лесть», – вспомнила я слова Ани.

– Ну а это, – не унималась моя спутница, переводя взгляд на Алекса. – О, детка, это самый загадочный и неукротимый посетитель нашего великолепного заведения, господин Алекс фон Рихтер.

Надо отдать должное, Анька была великолепной актрисой. В любой момент она могла начинать смеяться и кокетничать, даже если на душе скребли кошки. Я же в этот момент сидела и испуганно хлопала своими длинными накрашенными ресницами и совершенно не понимала, как себя вести среди этих красивых и сильных молодых мужчин, которые с несказанным интересом смотрели на меня.

Алекс же сидел напротив, небрежно откинувшись на спинку стула, и с пристрастием наблюдал за мной. После первого впечатления, которое я на него произвела во время игры на рояле, он, казалось, совершенно оправился и теперь, как ни в чем не бывало, взирал на меня. Мне этот взгляд был неприятен, поскольку его магнетизм поднимал во мне волну непонятных мне чувств.

– У вас прекрасный немецкий, – продолжил разговор Габриель фон Вольф, наливая нам с Аней шампанское в фужеры. – Я бы даже сказал, что чересчур идеальный для русской девушки.

Я посмотрела на него и ответила:

– Моя бабушка преподавала немецкий в институте, она была невероятной женщиной, любила доводить все до совершенства. Не исключением стал и мой немецкий.

– А игра на фортепиано тоже ее заслуга? – не унимался он.

Чтоб прервать допрос я, опустив глаза, тихо прошептала:

– Ее, и она бы много чему меня научила еще, если бы не погибла во время бомбардировки, – закончила я, гневно сверкнув взглядом в сторону фон Вольфа.

– А мадмуазель с характером! – присвистнул Фридрих.

Анька же поперхнулась шампанским и больно ткнула меня носком в ногу.

– Люблю строптивых женщин, – произнес фон Вольф, прищурился.

– Меня не надо любить, – приняла я его вызов, чувствуя, что с этим офицером у меня будут проблемы, и наигранно потупив взгляд добавила: – Будет достаточно, если вы будете приклонять колени исключительно перед моим талантом.

Фон Вольф многозначительно повел бровью и закурил сигарету. Алекс же слегка улыбнулся, ему явно понравилось то, как я поставила на место известного бабника.

– Как вы относитесь к великому Третьему Рейху? – к допросу подключился Фридрих.

– Я всего лишь слабая женщина, – прошептала я, – которая хочет мира и покоя. Великая игра меня мало волнует.

Я изо всех сил старалась строить из себя глупенькую молоденькую девочку с широко раскрытыми глазами, полными восхищения, склоняющую голову перед сильными мира сего, коими представляли себя немцы. Но моя рука так крепко сжала ножку фужера с шампанским, что побелели костяшки пальцев. Фон Вольф взглядом уловил этот мой жест и усмехнулся. Ответ же полностью удовлетворил Фридриха и он переключил внимание на Аню. Я перевела взгляд на Алекса и в его глазах увидела, что он понимал, что я не настолько глупа, как хочу казаться, и ему это явно нравилось.

– Я хотел бы принести свои извинения, – проговорил Алекс, закончив рассматривать меня. – Я вас, наверное, порядком напугал сегодня.

– Да, не каждый день меня вот так выдергивают из-за рояля, – ответила я.

– А правда, Алекс, что это было? – Фридрих пытливо посмотрел на своего приятеля.

– Мадмуазель Катерина очень похожа на одну женщину, мне на минуту даже показалось, что это она, – Алекс взял бокал и залпом выпил его, чем выдал свое скрытое напряжение.

– О, Алекс, никогда бы не подумал, что ты можешь так среагировать на появление женщины, – не унимался офицер.

– Полно те, Фридрих, у каждого свои тени прошлого, – Алекс недовольно посмотрел на приятеля.

– Вы даже не пригубили шампанское, – обратился фон Вольф ко мне. – Вы брезгуете пить с нами за столом?

– Нет, что вы! – ответила я и пригубила немного тягучего напитка, пузырьки которого ударили мне в нос и я поперхнулась, залившись при этом краской стыда. Я никогда не пробовала шампанское.

Анька засмеялась:

– О, господа офицеры, не смущайте Катерину, она еще совсем ребенок и право никогда не пробовала шампанское. Но ничего, – похлопала она меня по руке, – пройдет немного времени, и ты станешь разбираться в винной карте не хуже любого сомелье.

– Пройдет немного времени и мадмуазель станет разбираться во всем, в чем должна разбираться молодая красивая женщина, – заметил Габриель с видом упыря, который нашел свою жертву.

Алексу это явно не понравилось и он оборвал речь друга:

– Мадмуазель сама решит, в чем ей нужно разбираться, а в чем нет.

– А когда она это решит, я буду рядом, – не унимался фон Вольф, который своей репликой явно бросал вызов Алексу.

– Господа офицеры! – вздернув нос, проговорила я. – Что и когда я решу не касается ни одного человека, находящегося за этим столом!

Алекс смотрел на меня и, скорее всего, все более убеждался, что девочка, сидящая перед ним не так проста, как кажется.

Зазвучала музыка и фон Вольф обратился ко мне:

– Разрешите пригласить вас на танец, – проговорил он, галантно вставая с видом, явно не принимающим отказ.

Танцевать с ним совершенно не хотелось. Но, поскольку мне нужно было налаживать контакты среди этих богом забытых людей, я кокетливо подала ему руку и приняла приглашение.

Габриель фон Вольф был немногим выше меня. Чисто выбрит, с густыми темно-русыми волосами, аккуратно подстриженными по последней моде, и пронзительными серыми глазами. Правую бровь рассекал неглубокий шрам, что придавало его виду некую демоничность. Сильный волевой подбородок украшала небольшая ямка, которая немного сглаживала его беспощадный облик. На вид ему было около тридцати пяти или сорока лет.

Уверенным движением руки он прижал меня крепко к себе и мы закружились в танце.

– Вы красивая девушка. Слишком красивая и юная особа, чтобы долго оставаться без покровителя, – нагло заявил он.

– И вы хотите предложить себя в качестве него? – я дерзко, может даже слишком дерзко для женщины в моем положении, с вызовом ответила, прямо смотря в холодные серые глаза.

– А почему бы и нет? – с деловой хваткой, как будто покупает кобылу на базаре, проговорил он, еще крепче прижимая меня к себе.

Этот нахальный человек обладал какой-то непреодолимой притягательностью. Его серые глаза будто гипнотизировали меня. От него веяло такой силой и опасностью, что я невольно поежилась.

– Боюсь, господин офицер, я вынуждена вам отказать, – отчеканила я.

– Почему? – уже более жестким тоном проговорил Габриель.

– Потому, что вы совершенно не интересуете меня как мужчина, – на свой страх и риск я выкинула фразу, которая могла меня просто погубить в тот момент.

Офицер холодно прищурил глаза и ответил:

– Не было еще кобылы, которая бы не была мной объезжена.

– Я кобыла не из вашего стойла, – парировала я, отстранилась и сделав реверанс, быстро вернулась за стол.

Все сидящие за столом внимательно наблюдали за нами во время танца. По их лицам было видно, что они обсуждали нашу пару. Когда мы вернулись, разговор стих и воцарилась неловкая тишина. Анька нервно барабанила по столу своими тонкими пальцами. Алекс явно переживал за меня, поскольку скорее всего знал, на что способен его приятель и поэтому волна недовольства, которую он тщательно скрывал, все сильнее и сильнее накатывала на него, проявляясь в его потемневших синих глазах.

– Катюша чудно танцует, – с явным наслаждением проговорил фон Вольф.

По-моему, мой отказ только подлил масла в огонь. В ту минуту я корила себя за столь строптивное поведение.

– Для вас я Екатерина Дмитриевна, – вспыхнула я не сумев справиться с эмоциями и посмотрела на Аню, которая была белее скатерти в этот момент, затем на Алекса, безмолвно прося у него помощи, которая не заставила себя ждать.

– Габриель, не пристало кавалеру столь фамильярно разговаривать с дамой, – отчеканил он другу и обратившись ко мне, извиняющимся тоном сказал: – Примите извинения за моего друга, он не хотел вас обидеть.

– Ой, Алекс, вечно ты со своим благородством! – со смехом откинувшись на спинку стула воскликнул фон Вольф и ущипнул за зад проходящую мимо официантку.

– Кошмар, – пробормотала я себе под нос на русском языке.

– Что значит кошмар? – задал вопрос мне фон Вольф с усмешкой.

– Это значит, что у вас отвратительное поведение.

– Да, покладистостью я не славлюсь. Даже наоборот.

– Аня, ваша сестра слишком дерзко ведет себя по отношению к немецкому офицеру, вы не находите? – недовольно вмешался в нашу перепалку с фон Вольфом Фридрих.

– Отчего же, Фридрих? Катерина правильно всё делает. Она остается собой в нашем обществе, это заслуживает похвалы, а не порицания, – вступился за меня снова Алекс.

– Точно сказано. Мне интереснее видеть девушку с характером, чем испуганно хлопающую ресницами куклу. А здесь посмотрите-ка на нее! Она готова испепелить меня взглядом! – фон Вольф с интересом смотрел на меня.

– А мне совершенно не интересно то, что интересно вам! Я просто не собираюсь вести себя по-другому. Вы для меня такие же люди, как и все. И если у мужчины отвратительное поведение, то я не собираюсь делать вид, что это не так только потому, что он немец, – я многозначительно посмотрела на фон Вольфа.

– Дорогой Габриель, не сердитесь, – Анька включила тон лисы и продолжила, – Катя просто нервничает, для нее все это в новинку, и вы свои напористым вниманием просто напугали ее. Правда, Катюша? – с грозным видом она повернулась ко мне.

Мне ничего не оставалось сделать, как опустить глаза, изобразив отчаянное раскаяние, которого и в помине не было.

– А теперь прошу нас извинить, – продолжила подруга. – Но нам нужно домой. Вечер выдался трудным, нам нужно отдохнуть, чтоб завтра с новыми силами радовать вас всеми гранями искусства.

Она лучезарно улыбнулась, нежно поцеловала Фридриха в щеку и мы поспешили удалиться.

Пока мы ждали Сашку, который должен был подогнать машину, чтобы отвезти нас домой, к нам подошел Алекс.

– Катя, можно с вами поговорить наедине? – обратился он к нам с Аней.

– О, господин майор, вам то я могу доверить свою сестричку на все сто процентов без всяких переживаний, – прощепетала Анька и поспешила удалиться.

– Катя, скажите, пожалуйста, что вам сказал фон Вольф, когда вы танцевали? Я видел, вы расстроились.

– Ничего особенного, просто назвал меня кобылой, которую он обязательно объездит.

Голубые глаза Алекса потемнели от гнева.

– Не бойтесь его, я даю слово, что он вас не тронет. Но все же будьте с ним весьма осторожны. Я давно с ним дружу, но порой и сам не знаю, что в голове у этого человека.

– Спасибо вам, господин офицер, – я нежно прикоснулась к его руке. – Но я знаю свое место, а оно очень шаткое в этом мире безжалостных мужчин. Красивой женщине все равно придется выбирать покровителя, хочет она того или нет. Уж лучше сильный покровитель, чем толпа солдат.

Я посмотрела на пораженного моим ответом Алекса и пошла к выходу, где меня ждала нервно курящая Анька, давая понять, что больше не хочу говорить об этом,

Когда мы сели в машину, она на меня заорала:

– Ты о чем думала, когда так разговаривала с фон Вольфом? Ты хоть представляешь себе, что это за человек? И глазом моргнуть не успеешь, как очутишься в канаве, изнасилованная и с простреленной головой!

– Не кричи на меня.

– Не кричи? Я вообще не знаю, что теперь будет. Ты ж как крыса с ним, зубами клац клац клац, – прошипела она щелкнув пальцами у меня перед лицом.

– А он другого и не заслуживает!

– Катя, – уже более спокойным тоном проговорила Анька. – Этот офицер очень и очень опасен.

– Да знаю, уже это поняла, – спокойно ответила я.

– А мне кажется не поняла.

Сашка, который всю дорогу молчал, промолвил:

– Катя, фон Вольф – негодяй. И если он на тебя глаз положил, то горя не оберешься теперь. Надо что-то с этим делать.

– Этого еще нам не хватало, – устало ответила Анька и закрыла в раздумьях глаза. – Я поговорю с Фридрихом, может он поможет, если этот гад будет слишком настойчив. А так – развивай поскорее тему с фон Рихтером, на чужой кусок Габриель вряд ли захочет нападать. Кстати, о чем вы говорили?

Я кратко пересказала наш разговор и Анька одобрительно кивнула. Больше мы в этот вечер с ней не перекинулись ни словом. У каждой голова была занята своими мыслями.

Вернувшись домой мы так же молча выпили чай и легли спать. Следующий день обещал быть трудным.

ГЛАВА 5

Проснулась я рано утром от того, что услышала тихий шепот в соседней комнате.

– Костя, поставка продовольствия будет через неделю во вторник, путь у них прежний, через мост. Партия будет большая. Если все пройдет хорошо, вы будете обеспечены продуктами до самого лета.

– Фрицы точно не поймут, что это ты передала информацию?

– Точно, не переживай. А теперь забирай картошку и уходи, патруль только что прошел по улице, следующий будет через полчаса. Ты должен успеть добраться до просеки.

Темная фигурка коренастого мужчины с большим мешком за плечами быстро промелькнула мимо меня и скрылась за дверью.

Аня тихо улеглась в свою постель.

– Ань, – проговорила я.

Анька подскочила, как ошпаренная.

– Я думала ты спишь!

– Да нет, я услышала ваш разговор. Это партизан?

– Много будешь знать – скоро состаришься.

– Как тебе удалось узнать о времени прибытия продовольствия?

– Ну, ты вчера видела, что мы пили только шампанское? А немцы очень любят красное вино. Значит, оно просто у них закончилось. А раз закончилось, значит, скоро должна быть поставка. Я спросила у проходящей официантки, нельзя ли принести бутылку, но Фридрих ответил мне, что я смогу выпить вина только через неделю в среду. А раз в среду, то поставка придет во вторник. Вот так, не вызывая подозрений я и добываю нужную информацию.

– Ну ты даешь! – я восхищенно смотрела на эту красивую и такую невероятно умную девушку.

– Ничего сверхъестественного, просто логика, – улыбнулась она мне. – А теперь ложись, есть еще время поваляться. Сегодня будет трудный день.

– А что сегодня такого особенного?

– Сегодня день рождения у Габриеля. У нас так заведено, что на каждый день рождения офицера я готовлю танцевальный номер. Немчура заказывает, что хотел бы увидеть на свой праздник, я исполняю. На день рождения Фридриха это был номер с средневековым танцем, Алекс отказался от представления, приезжий штурмбанфюрер СС как-то заказал мне ландлер, в общем у кого что болит как говорится. Сегодня Габриель.

– Тьфу, и как ты такое выдерживаешь!

– А так, Катенька. Пока все будут веселиться на дне рождения, а это будет большая часть офицерского состава, часть гестапо и комендатуры, основные силы патрулей будут сосредоточены вокруг театра и наши смогут вынести с завода патроны и передать партизанам. Вот так и выдерживаю, Катюш, так и выдерживаю, – проговорила Аня с грустью в глазах. – Танцую, а сама представляю количество патронов, которое получают наши мужики. Это стоит любых жертв, понимаешь?

Я кивнула в ответ и спросила:

– Ну, а что фон Вольф хочет сегодня увидеть?

– Да танец восточной красавицы, – она зевнула и потянулась. – Покручу пупом перед этим гадом за несколько сотен патронов, делов-то, – она изобразила круговое движение бедрами и расхохоталась.

– Ой, не могу, Ань, мне бы твой подход ко всему этому кошмару! – я схватила подушку и запустила в свою новоиспеченную подругу.

Еще немного поболтав, мы притихли, и каждая задумалась о своем. Анька, наверное, переживала о том, насколько успешно закончится сегодняшняя операция. А мне покоя не давала мысль о том, получится ли у меня окрутить Алекса. Хотя было видно, что я его заинтересовала, все же полной уверенности в успешном продвижении у меня не было.

Ход наших мыслей прервал приход матери Ани. Мария Дмитриевна зашла, держа в руках кувшин с молоком.

– А, проснулись уже, вертихвостки мои, – тяжело дыша она стала снимать старую стеганую фуфайку. – Сейчас молочка спарю вам и пойду к Марфе, захворала уж больно она, второй день не встает. Побуду у нее пока. Не дай бог помрет еще, помочь то некому ей. А так глядишь и выхожу ее. Вы тут справитесь без меня?

– Да, конечно справимся, мамочка! – Анька подскочила и крепко обняла свою пожилую мать.

У меня на глаза навернулись слезы. Я так скучала по своей маме! Еще хоть разок, последний разок обнять бы ее и прижать к сердцу, вдохнуть ее такой родной запах, сказать ей, как сильно я ее люблю. Попросить прощения за все обиды, какие я по своей глупости нанесла ей. «Мама! Моя милая и дорогая мама! Ну почему ты так рано меня оставила? Ничего, я устрою этим скотам фашистским! – подумала я. – Я все сделаю, чтоб отомстить за своих родных, которые той злополучной ночью погибли при бомбардировке нашего поселка!»

Встав с постели и накинув на плечи пальто я вышла на крыльцо. Мне срочно нужно было вдохнуть морозного свежего воздуха, иначе я завывала бы, как белуга. И только зимний воздух наполнил мои легкие, как мне стало свободнее дышать! Почему-то пришло понимание того, что мне нетрудно смириться со своим заданием, до сегодняшнего утра, как мне казалось, камнем лежащего на моих плечах. Нет, я справлюсь! Справлюсь ради тысяч тех детей, у которых еще живы их матери. Справлюсь ради тысяч тех детей, которые уже их потеряли в этой кровавой войне. И когда-то, когда закончится эта проклятая война, какая-нибудь смешная девчушка с веснушками на щеках обнимет свою маму, а я буду знать, что это и благодаря мне тоже! Что я, так рано потерявшая своих родителей, не осталась в стороне, а внесла вклад в победу над черной смертью, пахнувшей порохом и дымом. Посмотрев на восходящее солнце я поняла, что именно сегодня родилась новая девушка Катя и нет ей более пути назад.

Спустя мгновение на порог вышла Мария Дмитриевна и, с испугом схватив меня за плечи, втолкнула в дом, пробурчав при этом: «Ишь ты, на морозе стоит! Заболеть поди еще не хватало». А я повернулась и прижалась губами к ее морщинистой старенькой щеке, пахнувшей мятой и вереском, и тихим шепотом сказала «спасибо», мысленно обращаясь к своей маме. Как будто эти слова были сказаны для нее, словно через эту старенькую женщину она меня слышала, слышала и прощала за все. Потом так же быстро я прошла в комнату и закрыла с улыбкой дверь за Марией Дмитриевной.

Анька сидела за столом и с аппетитом уплетала пирожок, запивая его горячим молоком. Посмотрев на меня, она перестала жевать.

– Чего случилось? – спросила она озабоченно.

– Ничего, все просто отлично.

– Да ты какая-то странная.

– Нет, правда, все хорошо, думаю о вечере сегодняшнем, что сыграть то мне сегодня.

– Аааа, – протянула она, подозрительно на меня косясь, затем добавила серьезно, – похоронный марш сыграй.

Мы переглянулись и залились громким хохотом.

– Ладно, а теперь серьезно. Катя, по поводу вчерашнего твоего лязганья зубами в сторону фон Вольфа.

– Аня, все теперь будет по-другому, не переживай. Я справлюсь.

– Я тебя очень прошу, не дерзи Габриелю. От того, насколько у нас налажены отношения в театре с приходящими немцами, зависит многое. Ты же понимаешь? Фон Вольф занимает второе место по статусу после Алекса, но если Алекс человек чести, то фон Вольф полная противоположность ему. Это черт, Катя! Понимаешь? Черт!

– Второе место говоришь, – я задумчиво погладила лоб.

– Да. Я с ним в хороших отношениях, поскольку мне покровительствует Фридрих, а они с Габриелем дружат. Поэтому в твоих интересах скорее найти подход к Алексу, кабы не бежать потом от этого волка, черт бы его побрал. А теперь давай собираться, нужно еще подогнать костюм, украсить зал, дел невпроворот.

Через полчаса за нами заехал Сашка.

– Ну чего, Аня, готова крутить пупом перед фрицем? – розовощекий парень улыбался во весь рот.

– Да ну тебя, – Анька запустила снежком в смеющегося парня и надула губы.

– Ладно тебе, не дуйся, – крутя руль машины он посмотрел на меня. – Она просто наше спасение, на самом деле. Она такую информацию порой вытягивает из этих самовлюбленных фрицев, я просто диву даюсь, как у нее это получается. Не девка, а клад!

– Да я уже это поняла, – улыбнулась я в ответ.

Машина подъехала к театру и мы, собрав пожитки, зашли внутрь. Анька принялась подгонять костюм под свою фигуру. Я же села разучивать никак не поддающийся кусок из произведения Вагнера. Вокруг все суетились. Официантки бегали и расставляли столы полукругом. По задумке во время танца именинник должен был сидеть в центре на стуле, украшенном по типу трона, а восточная красавица в лице Ани исполнять перед ним свой танец.

За час до того, как гости начали собираться, приехал Фридрих и подошел к Ане. Они начали живо о чем-то спорить. Аня отчаянно жестикулировала, хватала немца за руки и, как мне показалось, была в отчаянии. До меня долетали обрывки фраз, услышав которые я поняла, что речь шла обо мне. Решив не теряться в догадках, я подошла к этой дискутирующей парочке:

– В чем дело? – спросила я.

– Майор фон Вольф... – начал было говорить Фридрих, но Анька его перебила.

– Она не сможет, Фридрих, просто не сможет...

– Аня, это ее работа, если она не может выполнять эту работу, пускай найдет себе другую.

Это развлекательное заведение, а не пристанище для чопорных монахинь!

Я стояла и совершенно не понимая, что происходит, прикрикнула на них:

– Давайте я сама буду решать, что я смогу, а чего нет!

Фридрих оторопел.

– Чего соизволил хотеть господин офицер? – я с грозно приподнятой кверху бровью смотрела на Аньку.

– Понимаешь, Габриель хочет, чтоб это..., – она сделала паузу. – Ты танцевала вместо меня. Но я говорю, что ты не умеешь, у тебя не получится, ты сильна только в классике, – быстро тараторила Анька.

«Вот тварь», – мысленно подумала я. А вслух добавила спокойным тоном, обращаясь к Фридриху, скривив губы в презрительной улыбке.:

– Передайте господину майору, что я буду танцевать.

– Вот и прекрасно, – сказал Фридрих, потрепав меня по щеке. – А то не будет, не может, – передразнил он Аньку и спешно вышел из зала.

Мы же удалились в примерную, поскольку времени оставалось совсем мало.

– Кать, ты прости, что так получилось.

– Да твоя-то какая вина? – снимая с себя всю одежду сказала я. – Тащи сюда свой чудокостюм.

Анька быстро подала мне сверток с одеждой из тончайшей прозрачной ткани, надев который я поняла, что стою практически голая, за исключением расшитого бисером широкого пояса, который едва прикрывал мое нижнее белье, и точно такого же сверкающего лифа, едва закрывающего мою грудь. Повернувшись к зеркалу, я оторопела. На меня смотрела Шахерзада из сказок тысячи и одной ночи, которые мне читала еще совсем маленькой мама. Анька распустила мои длинные волосы, которые тяжелым покрывалом упали до самого пояса, на руки и ноги надела покрытые камнями браслеты. Найдя в шкафу прозрачный платок я соорудила подобие вуали на лицо и повернулась к Ане. Та стояла и чуть не рыдала, а я чтоб хоть как-то разрядить обстановку сказала:

– Ну чего, готова я пупком крутить перед фрицами?

– О да, готова, – расхохоталась она хлюпая носом.

– Не переживай, я справлюсь, – обняв за плечи подругу прошептала я.

– Да я знаю, что справишься. Просто я ведь понимаю, зачем он это делает. Он унижить тебя хочет после вчерашнего. Он же видит, какая ты, как серьезно ко всему относишься. Он любит ставить людей на место. Ублюдок.

Я посмотрела Ане в глаза:

– Той девочки больше нет. Хочет танец, будет ему танец. Такова моя роль. Ты не забывай, мне нужно наладить контакт с кем-то из них, – вздернув гордо голову, я поправила лиф на своей груди и вспомнила слова Аиды Львовны: «Играй, девочка, играй».

В этот момент в примерку вошел Фридрих, проверить точно ли мы выполняем указание. Зашел и застыл на месте от представшего его взору моего превращения. Я же подошла к нему вплотную и проговорила:

– Ну, как вы думаете, господин майор будет доволен?

Фридрих провел похотливым взглядом по моей груди, обнаженному животу, длинным стройным ногам, которые были отчетливо видны через прозрачную ткань восточного наряда и довольно кивнул головой. Я хмыкнула и подошла к занавесу.

За спиной я услышала, как Фридрих обратился к Ане с нотками сожаления в голосе:

– Все, пропала твоя сестра. Держу пари, что скоро она сдаст свою крепость Габриелю. Он же не уймется.

– Может быть ты повлияешь на него? – тихо спросила Аня мужчину.

– Нет, я не хочу наживать себе врага в лице фон Вольфа. И, кроме того, на него повлиять невозможно. Так что, Аня, извини, но здесь я тебе ничем не помогу, – резким тоном, не принимающим возражений, отчеканил Фридрих и вышел из комнаты.

«Все, теперь совсем без вариантов», – услышав эту реплику подумала я. Но в сердце было на удивление спокойно и когда в зале погас свет и зазвучала чувственная восточная музыка, я вышла на сцену в полной уверенности, что победа сегодня будет именно за мной.

– Второе место по статусу говоришь, Аня, – проговорила я тихо сама себе.

В темном зале, мрак которого рассеивали только зажженные свечи, звучала тихая мелодия, которая слово убаюкивала меня и тихим, слышимым только мне шепотом говорила: «Шшшшш, тише, успокойся». Я начала исполнять чарующий восточный танец, медленно продвигаясь к центру зала, к тому месту, где сидел с довольным видом виновник сего торжества, с наглой усмешкой взиравший на меня. Я не спускала с него взгляд, мои ярко накрашенные глаза зеленого цвета сверкали как у кошки при свете свечей. Каждый изгиб моего красивого молодого тела выполнял пьянящие движения. Среди толпы немцев послышался довольный шепот. Подойдя вплотную к Габриелю я сняла с себя вуаль и накинув ему ее на шею села

на руки и резко притянула к себе так, что наши губы практически соприкоснулись. Пару минут мы молча смотрели друг другу в глаза, затем я прошептала:

– Ну что, майор, доволен? С днем рождения!

Не нужно было слов, его тело само ответило за своего хозяина. Я чувствовала это, сидя на нем верхом, что он не просто доволен, он охвачен безудержной страстью. Его тяжелое дыхание с легким запахом выпитого алкоголя обжигало меня. Его взгляд, наполненный коктейлем из изумления, восхищения и ненависти говорил мне о том, что победа действительно за мной. Я прижалась губами к его чувственному рту и больно прикусила его нижнюю губу, в ответ услышав животный стон мужчины. Не дав ему опомниться, я резко встала, и, повернувшись спиной к изумленному немцу, начала удаляться, выполняя плавные движения бедрами. Краем глаза я заметила Алекса, который стоял возле самой сцены. Проходя мимо него, я резко повернулась, вздернула подбородок и посмотрела ему в глаза своим полным слез взглядом. Поскольку почему-то стоять вот в таком виде именно перед этим человеком и было для меня унижением. Швырнув ему в лицо свою вуаль, быстро взбежала по ступенькам на сцену и скрылась за занавесом.

Зал взревел от восторженных криков и аплодисментов зрителей, только я не испытывала удовольствия от такого громогласного успеха. Я тихо прошла в гримерку и бессильно опустившись на стул перед большим зеркалом с остервенением стала сдирать с себя маску этой прекрасной Шахерезады, коей мне довелось быть всего мгновение назад.

В двери тихо постучались и, быстро накинув на плечи халат, я поспешила открыть. На пороге стоял Алекс. Я отпрянула. Его я меньше всего сейчас хотела видеть. Он, ничего не сказав, опустил вуаль на стул и прижал меня к своей груди, поцеловав в макушку. И тут я не выдержала и начала рыдать так, как рыдала, наверное, только на похоронах родителей. Слезы не прекращали лить ручьем из моих глаз. Он же, легко подхватив меня на руки, сел на стоящий в углу диван и держал меня так, укачивая как маленького ребенка. Так мы сидели до того времени, пока в комнату не влетела Анька, но, увидев нас, поспешила удалиться. Я же, придя в себя, поспешно встала с его рук и проговорила:

– Извините, господин офицер, это просто нервный срыв. Не каждый день приходится выплясывать вот так, практически голышом, перед мужчинами.

Алекс подошел ко мне, приподнял мое заплаканное лицо и проговорил:

– Больше тебя это никто не заставит делать, я тебе обещаю, – провел большим пальцем по моим губам, и чмокнув меня в мой красный нос вышел из гримерки, оставив меня в полном недоумении. В тот момент я поняла, что между нами рождается какая-то непонятная мне незримая связь, тонкой невидимой ниточкой все крепче и крепче сплетавшая наши судьбы воедино.

ГЛАВА 6

Как только за Алексом закрылась дверь в комнату шустро проскочила Анька.

– Катя, что тут было?

– Ничего, просто эмоции через край.

– А он что?

– Он утешал, – коротко ответила я, мне совершенно не хотелось сейчас говорить о Алексе, эта тема приобретала для меня сокровенное значение. – Ты мне лучше скажи, как там праздник.

– Довольны, сволочи. Особенно Габриель. Но ты, конечно, перегнула палку, Катька. То, что ты там вытворяла, бесследно не пройдет.

– Я этого и добивалась.

– Зачем? – Анька удивленно подняла брови.

– Я подумывала об этом, но именно сейчас приняла решение. Я не буду завязывать отношения с Алексом. Просто не смогу выполнить то, что мне полагается, если буду с ним, Аня,

не смогу, я чувствую это, я слишком таю рядом с ним и ощущаю, что и он переживает то же самое. Если я напоминаю ему человека, который был ему дорог, то это неизменно приведет нас к глубокой связи, а здесь я должна рассуждать трезво, ты понимаешь?

– Катя, но у тебя есть задание и определенная цель, – строго проговорила Аня, резко вставая с дивана.

– Я знаю. Но идти к этой цели я буду по другому пути.

– По какому такому другому? – выглядывая за дверь зашипела Анька.

– Габриель. Ты сама сказала, что он второй человек по статусу после Алекса. А раз он стоит всего ступенью ниже, у него есть доступ к нужным документам тоже.

– Дура ты! Фон Вольф страшный человек. Через него ты не сможешь подобраться никуда! Это заведомо провальное дело. Женщины для него ничего не значат. Так, поматросил и ты на улице! Была тут одна молодая девушка, официанткой работала, фон Вольф прохода ей не давал. Но потом, пару ночей и все, выкинул как использованную вещь. Она даже не смогла больше быть здесь, решила уехать к тетке в деревню. Он очень жестокий! А нам нужен такой, чтоб из ладони твоей ел. Фридрих как-то рассказывал, что, когда в гестапо не могут выбить из кого-то информацию, туда едет фон Вольф. Ты представляешь, что он сделает с тобой, если ты проколешься на чем-то? Зачем тебе это надо?

– Тебе не понять, я каким-то шестым чувством понимаю, что так будет лучше, я справлюсь, Аня, верь мне.

Подруга пожала плечами и спросила:

– У меня нет голоса влиять на твое задание?

– Нет, мне дали свободу действия. Было ясно сказано, неважно каким путем, но сделать.

– Ладно, дерзай, не утащи только всех за собой, будь предельно осторожна.

– Буду, Аня, буду, – ответила я и начала переодеваться в платье ярко-синего цвета, которое выигрышно оттеняло мою кожу. В нем я не казалась уже такой бледной. На шею я намотала длинную нитку жемчуга и украсила свою тонкую талию расшитым черным бисером поясом.

– Ловко ты почистила мой гардероб, – с улыбкой прокомментировала мой новый образ Аня, ей явно нравилось видеть меня в своих вещах.

– У тебя там столько всего, – я по-детски радовалась тому, что могу надеть на себя такую красоту.

В этот момент дверь бесцеремонно распахнулась и на пороге появился Габриель. Отрывисто бросив Ане сухое «выйди» он прошел в комнату и остановился возле окна.

– Господин майор, я на секундочку украду свою сестру, можно? – испуганно пролепетала Анька.

Габриель сделал жест рукой и мы вышли за дверь.

– Катя, мне это совсем не нравится. Алекса здесь нет, его в штаб вызвали. Он просил меня присмотреть за тобой, – шептала Анька испуганным голосом.

– Нет, я справлюсь. Ты сейчас пойдешь в зал и будешь развлекать там гостей. Ни под каким предлогом не заходи в примерку, пока он здесь, ты меня поняла?

Анька отчаянно затрясла головой.

– Ты меня поняла? – зашипела я на нее, и подруга поспешно выбежала в зал.

Я же, сделав глубокий вдох и поправив свои волосы, собранные теперь уже в высокий пучок на голове, повернулась и открыла дверь в комнату, в которой, как мне казалось, меня ждала сама смерть.

Габриель стоял, облокотившись на стол и сложив руки на груди. Взгляд его холодных серых глаз, казалось, пронизывал меня насквозь. Мне стало не по себе, поскольку передо мной стоял не просто мужчина, стоял хищник. Таких мужчин единицы. Он был слишком умен, слишком проницателен. Обыграть его можно было только имея в рукаве козырь, а какой – я пока не знала.

– Спасибо за танец, – к такой услышанной фразе я не была готова и опешила.

– Не за что. У вас же праздник, а это моя работа, не более, – пожав плечами произнесла я в ответ.

– Ты очень красивая девушка, Катя, и умная. Ты прекрасно понимаешь, что я могу после всего просто взять тебя здесь на столе и мне никто не помешает. Но, несмотря на понимание этого, ты все равно бросила мне вызов. Поэтому я спрошу тебя прямо – чего ты хочешь?

Момент был решающий. От моего ответа зависело сейчас все.

Я подошла к нему на расстояние вытянутой руки и смотря прямо в глаза сказала:

– Ты хочешь взять меня силой? Нет, не думаю. Твой интерес ко мне намного глубже, чем просто мимолетное наслаждение, иначе ты бы сейчас проделал все то, о чем сказал. Ты пресытился уже давно женщинами, которые легко даются тебе. Тебе нужна достойная партнерша, партнерша – противник, которую нужно укрощать. Только так ты можешь получить полное удовлетворение. Поэтому ты и захотел, чтобы я танцевала сегодня. Ты хотел меня укротить, поставить себя выше меня. Но сам попался в свою ловушку. Как жаль! Ты не думал, что молодая девушка обыграет тебя в этой игре. Я видела это в твоих глазах, когда сидела верхом на тебе. Ты не унизил меня. Мне абсолютно наплевать, танцевала я полуобнаженная перед толпой немцев или не танцевала. А вот сам ты еще больше загорелся желанием уложить меня в постель. Ты красивый мужчина, но чувства трепета ты во мне не вызываешь. Но ты был прав, когда сказал вчера, что мне нужен покровитель, сильный покровитель, который не даст мне погибнуть в это нелегкое время. Поэтому предлагаю сделку. Мое внимание в обмен на твою защиту. Я скрашиваю тебе жизнь здесь и не даю скучать, ты же оберегаешь меня от всего того ужаса, который тянет за собой слово «война».

Я произнесла эту речь совершенно спонтанно, но по его лицу увидела, что попала в точку.

Аида Львовна сейчас гордилась бы мной. Еще в разведшколе она отмечала мою природную способность отыскивать в человеке самое сокровенное и использовать это против него же. Возможно, поэтому она, не колеблясь, и отправила меня, молодую девочку, на такое важное задание. Она знала, что я справлюсь с ним, как никто другой. И дело было не в том, что я похожа на жену Алекса. Просто другой подходящей кандидатуры у них не было.

Я подошла вплотную к Габриелю и расстегивая пуговицы на платье бросила ему вызов, словно перчатку в лицо:

– Осилишь такое покровительство?

Серые глаза Габриеля стали темными от нахлынувших чувств. Одним рывком он притянул меня к себе и впиваясь в губы жестоким поцелуем прорычал:

– Осилю.

Пара движений его рук и разорванное платье лежало на полу. Меня колотила внутренняя дрожь, но я не подавала вида. Роль моя должна была быть сыграна великолепно. Он медленным движением, словно наслаждаясь моментом, вытащил из моих волос шпильки и они пушистым покрывалом скрыли мою наготу. Затем он уложил меня на ковер и проведя языком по моей шее впился зубами в мой сосок. Я застонала от боли, но мучитель не унимался. Он провел дорожку языком по моему животу и спустился ниже, чем вызвал у меня негодование. Но, когда его язык коснулся пульсирующего бугорка у меня между ног, меня пронзило томительное чувство предвкушения чего-то большего и застонав, я выгнулась ему навстречу. Далее он с господствующим взглядом снял с себя одежду, и закинул мои ноги себе на бедра. Я ни на секунду не закрывала глаза, хотя мне было ужасно страшно. Это не было тем занятием любовью, о котором мы шептались с подружками на скамейках в парке. Это было противостояние двух сильных личностей, каждая из которых хотела взять верх над другой. Это было противостояние красивого жестокого мужчины и молоденькой девушки, которая каким-то непонятным образом понимала, что, несмотря на кажущуюся неопытность, обуздает бешеный нрав этого человека.

Одним мощным рывком Габриель жестко овладел мной, вызвав тем самым невыносимую боль. Я до крови прикусила свою губу и застонала, закрыв глаза. Но через мгновение я почувствовала перемену в его поведении. Он, наверное, до последнего момента не верил в то, что я девственница. Уж слишком далеко мое поведение было от общепринятой застенчивости невинной девушки. Теперь же, когда он это ощутил, наткнувшись на преграду в моем теле, он лежал на мне, и в его взгляде читалось непонятное мне выражение немого вопроса. Подняв руки, я запустила нежно пальцы в его волосы, тем самым давая понять, что не хочу, чтобы он останавливался. Последующий за этим поцелуй был настолько нежным, что я невольно прильнула к нему. Затем он начал двигаться во мне настойчиво, но настолько ласково, что тупая боль постепенно отступала, а на ее место приходило доселе неизведанное мной глубокое чувство наслаждения. Я все крепче обхватывала своими ногами этого невероятно искусного любовника, он же ни на миг не отводил взгляд от моего возбужденного лица. Наше дыхание слилось воедино, как и наши тела. Почувствовав приближающийся пик наслаждения, я выгнулась под ним дугой и услышала ответное рычание испытывавшего чувство бешеного удовлетворения самца.

Пока я лежала под ним, пытаюсь унять громкий стук сердца, Габриель приподнялся на локте и сказал, вытирая пот с моей шеи:

– Для меня это честь.

Я же положила ему на губы свои пальцы, давая понять, что не хочу это обсуждать.

– Почему ты мне не сказала? Если бы я знал, я бы дал тебе время привыкнуть ко мне. Первый раз всегда важен для любой девушки.

– У меня нет времени, – произнесла я фразу, значение которой он вряд ли понял тогда, – да и что бы это изменило? Не думаю, что ты бы отступился.

– Не отступился бы, ты права. Даже наоборот. Но ты же понимаешь, что теперь я тебя не отпущу, – нахмурился брови продолжил он.

Я, почти оправившись от нашей схватки, продолжила играть свою роль:

– Ты попробуй удержи сначала, – с вызовом сказала я ему, напоминая о нашей сделке.

Он расхохотался, встал и поднял меня с ковра как пушинку. Ему видно приходилось по вкусу все, что происходило между нами. Опустив меня на стоящий в углу диван, он начал одеваться, а я наблюдала за ним. Сейчас он не казался мне таким уже страшным. Правду говорят, что постель сближает людей. Приведя себя в порядок, он присел на край возле меня:

– Я так понял из вчерашнего разговора, что ты сирота и живешь у Анны сейчас?

– Да.

– Я хочу, чтобы ты переехала ко мне и ушла из театра, – тоном человека, не принимающего возражения, проговорил Габриель.

Но не на ту нарвался.

– Я перееду к тебе тогда, когда сама посчитаю, что хочу этого. И в театре я буду выступать столько, сколько нужно, – но увидев, что наталкиваюсь на волну недовольства, переползла ему на руки и тихо прошептала ему на ухо, – больше только не заставляй меня танцевать полуголой, я тебе это едва ли еще позволю, – больно укусив его за мочку уха я вскочила и укуталась в халат.

Габриель только бровью повел. Было видно, что ему нравится то, что я сама хочу рулить по дороге своей жизни.

– Хорошо, тогда я дам тебе машину и шофера, не хочу, чтоб ты передвигалась одна.

Я поморщилась, поскольку понимала, что он начинает меня контролировать. Машина была как нельзя кстати, но вот шофер.

– Нет, – проговорила я. – Не сейчас.

– Сейчас, – наше перетягивание одеяла продолжалось.

– Габриель, мне не нужен твой приставленный за мной хвост, хочешь удержать, не натягивай поводок, а то могу сорваться, – вспыхнула я и поняла, что перегнула палку.

Немец молча встал и подойдя ко мне больно схватил за подбородок. Вот тут-то я и начала понимать, что противник еще тот у меня.

– Твой поводок держать я буду очень твердой рукой, не получится сорваться, – проговорил строго он.

У меня затряслись коленки от ужаса, но я решила не отступать:

– Нет, говорю тебе, – ответила я и приготовилась к печальным последствиям.

Габриель стоял и его, скорее всего, восхищала моя смелость. По глазам ведь он видел, что мне ужасно страшно, но непоколебимая сила воли заставляла меня стоять на своем. По-видимому, он часто видел этот взгляд у русских, когда ему приходилось выбивать из них информацию. И сейчас я тоже не сдавалась, о нет, я сражалась против него всеми доступными мне средствами. Хватка его железных пальцев ослабла, он поцеловал меня долгим нежным поцелуем и отпустив пошел к выходу. Уже у самых дверей он обернулся ко мне и промолвил:

– Машина будет, – и сделав небольшую паузу добавил, – когда тебе будет необходима.

Я улыбнулась и кивнула, давая ему понять, что он достойный противник.

ГЛАВА 7

Следующая неделя пролетела незаметно быстро. Театр – дом – театр. Ни Алекса, ни Габриеля я не видела. Лишь только каждое утро шофер фон Вольфа привозил мне разные сладости, не давая мне забыть о нем. Анька, видя проявление такого внимания, только недовольно морщилась, но все равно с удовольствием грызла душистые конфеты из черного шоколада. Она ни о чем меня не спрашивала, а я не хотела рассказывать. Мы понимали и так друг друга с полуслова с того момента, как она зашла в гримерку и увидела на полу разорванное платье красивого синего цвета, которое знаменовало собой мою капитуляцию перед мужчиной.

Но вот настал вечер среды. После утомительного выступления Анька и я сидели за столиком. Я раскладывала пасьянс, а Анька грустно курила сигарету.

– Сегодня мало народа, – удивленно проговорила я.

– Мало, – прищурившись, нервно проговорила Аня.

Мимо проходила официантка и Анька ее окликнула:

– Принеси нам, пожалуйста, бутылку Мадеры, – попросила она и нервно забарабанила пальцами по столу.

Официантка удалилась и через несколько минут принесла на подносе бутылку красного вина. Анька поблагодарила и лихорадочно загасила сигарету о пепельницу.

– Что с тобой такое сегодня? Что-то случилось? – спросила я, не понимая, что могло быть причиной ее странного поведения.

– Что случилось? – прошипела в ответ она. – Помнишь наш разговор о вине в тот вечер, когда к нам в дом приходил Костя?

– Помню.

– Бутылку видишь?

– Вижу, – до меня начало доходить.

– Это значит, что доставка продовольствия прошла успешно. Что-то случилось. И Костя сегодня должен был прийти к нам домой, а так и не пришел. А немчуры смотри, практически нет сегодня. А по средам их тут пруд пруди. Фон Вольф первый приходи часов в пять всегда. А где он сейчас? Ты его видишь? Потому что он, скотина, в гестапо сейчас, я уверена, кто-то попался, и операция сорвалась.

– Да подожди ты, мы же ничего еще не знаем!

– А чего тут знать? Крыса у нас завелась, Катя, крыса! – Анька, еле сохраняя самообладание, налила нам в бокалы вина.

Затем она залпом выпила пьянящий напиток и сказала:

– Я в гримерку, хочу побыть одна, мне надо подумать, – схватив свою пачку с сигаретами, она удалилась.

Я сидела так часа два и раскладывала пасьянс снова и снова, погруженная в свои мысли, смотря куда-то сквозь карты. И тут ход моих мыслей прервал голос Габриеля:

– Два Туза.

Я вздрогнула.

– Что?

– Два туза, ты пропустила, – проговорил он, проведя пальцами по моей шее.

От этого прикосновения у меня по телу пробежали мурашки. Я подняла взгляд от стола и увидела его и Алекса, который с недоумением смотрел за жестом своего друга. Я покраснела и отвела взгляд. Алекс едва уловимо грустно кивнул. Я знала, что он все понял. Но сохраняя самообладание, тепло поприветствовал меня, поцеловав мою руку. Габриель же с победоносной улыбкой смотрел на нас обоих. Мне в эту минуту захотелось чем-нибудь запустить в эту самодовольную физиономию. Издав нервный вздох, я отхлебнула вино из бокала.

– Почему вы так поздно? – придя в себя и лучезарно улыбнувшись спросила я.

– Вчера было нападение на конвой с продовольствием, – затягиваясь сигарой Габриель внимательно смотрел на меня.

– И что, большие потери? – я столь же внимательно смотрела ему в глаза, откинувшись на спинку стула.

– У нас нет.

– Кого-то взяли? – на свой страх и риск продолжала выпытывать я.

– Взяли, – проговорил Габриель, выпуская изо рта густой клубок дыма.

Он все понимал, этот сидящий напротив меня жестокий мужчина. Он прекрасно знал, что я сейчас чувствую, и дразнил меня. Но я не унималась.

– Это партизаны? – я сверлила его взглядом.

– Партизаны, – он отвечал мне таким тоном, как будто бы подбрасывал полено за поленом в костер.

– И кто-то раскололся? – я почти шипела на него, задавая вопрос.

– Пока нет, но скажет, обязательно.

«Садист чертов» – пронеслось у меня в голове. Я с такой ненавистью на него смотрела и, чтоб хоть как-то сбить довольную усмешку с лица этого кровожадного упыря, я сняла туфлю и провела ногой под столом по внутренней поверхности его бедра. Самодовольная ухмылка сползла с лица немца в два счета. А я в это время обратилась к Алексу:

– Господин офицер, а вы тоже принимаете участие в кровожадных допросах над партизанами?

– Нет, это удел Габриеля, – ответил он, и все так же, казалось, с непреодолимым непониманием смотрел на меня.

– Отчего так?

– Он более успешен в той области, когда дело касается воздействия на человеческую психику.

– О да, я это заметила, – надев туфлю обратно на ногу я одарила Габриеля надменным взглядом.

В этот момент к нам подошел комиссар и Габриелю пришлось отойти к нему за стол для разговора.

– Катя, вы..., – Алекс явно не мог проговорить вслух свой вопрос.

– С Габриелем? Да, – грустно ответила я.

– Но как? Он насильно вас?

– Нет.

– Тогда я не понимаю.

– И не надо понимать меня, Алекс, не надо меня понимать, – устало проговорила я.

– Извините, я вас расстроил. Я не должен задавать такие вопросы. Это не мое дело.

– Нет, ничего. Все нормально.

– Если он вас принуждает, я вмешаюсь, вы только скажите. Я знаю Габриеля, он мастер психологического давления. Еще в первый вечер я понял, что он от вас не отстанет. Но не вмешался. А потом тот праздник и меня не было рядом. Это я виноват. – он так горько обо всем этом говорил, что мне хотелось рыдать.

– Алекс, можно вас по имени? – спросила я.

– Конечно.

– Жизнь все расставит на свои места. Кто с кем и когда пойдет по дороге жизни, – я протянула руку и положила ее на его ладонь.

Он провел своими пальцами по моему запястью. Мы смотрели и без слов понимали друг друга. Это было удивительное чувство. Я как будто знала этого человека сто лет, хотя в действительности перекинулась с ним всего несколькими фразами. Откуда взялось это ощущение? Я объяснить не могла. Такая связь может быть послана только свыше. Заиграла музыка, призывая скучающих людей на танец.

– Давайте потанцуем, Катя, – тепло проговорил мне Алекс.

Мы вышли на середину зала и закружились в пьянящем танце, смотря друг другу в глаза. Этот мужчина был такой родной. Было так странно, я совершенно не воспринимала его, как врага. Именно поэтому я не захотела подставлять его, я жертвовала собой ограждая его и чувствовала, что знай он всю ситуацию то поступил бы так же.

– Я хочу тебе кое-что сказать, – тихо проговорил он. – Ты очень похожа на мою жену, покойную жену, Еву. Она такой же была в юности. В начале войны она погибла в автокатастрофе.

– Мне очень жаль, Алекс, небеса забирают лучших так рано, – проговорила я, смотря в его небесно-голубые глаза.

– Я хочу, чтоб ты знала. Мне очень больно видеть тебя с Габриелем. Он сложный человек и может тебя обидеть. Но раз уж ты выбрала его, в любой момент, в любой ситуации я приду тебе на помощь, что бы ни случилось. Только скажи.

– Спасибо, – с горечью прошептала я. – Мне нужно было это услышать.

Я положила голову ему на предплечье и мы молча наслаждались этой близостью до того момента, пока не прекратила играть музыка. Алекс проводил меня к столику, за которым уже сидел Габриель, поцеловал мою руку и покинул театр.

– Он тебе нравится, – спокойным тоном проговорил фон Вольф.

– Нравится, – ответила я, играя с бокалом вина указательным пальцем.

– Почему же ты сделала такой выбор? Алекс хороший, намного лучше меня. Почему я, а не он? Я же вижу, что и ты ему нравишься. Не знаю, правда, что за подноготная у этой симпатии, ведь ты немного похожа на его погибшую жену. Но, тем не менее, дай ты ему повод, и ты бы тогда лежала не подо мной.

Я не знала, что мне ответить, чтобы выйти из ситуации и решила просто польстить ему.

– Мне не нужен хороший, мне нужен сильнейший. Здесь нет хороших. Это вы в Германии у себя хорошие. А здесь вы все одинаковые. Убийцы и захватчики. Так что поразмыслив, между силой и благородством, ты уж извини, но я выбрала силу, – удивительно, но я совершенно не боялась этого сидевшего передо мной человека.

– Красива и чертовски умна, – проговорил Габриель, – мне стоит тебя остерегаться.

– Стоит, – посмотрев на него я отхлебнула вино из бокала. – А теперь хватит разговоров, отведи меня к себе, – с вызовом проговорила я и он, усмехнувшись, галантно подал мне руку.

Всю дорогу я молчала. Когда машина подъехала к дому я была удивлена. Габриель один полностью занимал дом бывшего начальника завода.

«Значит никаких лишних глаз, это хорошо» – сделала я для себя приятное замечание.

Дверь нам открыла пожилая домработница.

– Ты можешь быть свободна, Марта, – вежливо сказал Габриель невысокого роста женщине.

Она изобразила на лице наиграно приветливую улыбку и презрительным взглядом окинула меня с ног до головы, затем, накинув на себя старое пальто закрыла за собой дверь.

– Добро пожаловать в мою скромную обитель, – с насмешкой проговорил немец.

– Так уж и скромную, – хмыкнула я в ответ.

Сняв верхнюю одежду мы прошли в зал, богато обставленный лакированной мебелью и увешанный дорогими картинами.

– Шампанское или вино? – спросил Габриель, наматывая локон моих волос себе на палец.

– Ничего не надо, – ответила я начиная расстегивать пуговицы на его форме.

Пока я это делала, он с довольным видом смотрел на меня, явно получая удовольствие от того, что я досталась именно ему. Затем я подняла на него глаза и поцеловала, нежно потянув зубами за нижнюю губу. Он издал едва уловимый стон и схватив меня на руки отнес в спальню. Освободив друг друга от одежды, мы придались жадным ласкам. Было странно, я не любила, даже ненавидела этого человека, но он вызывал во мне такое необъяснимое, неистовое первобытное желание! И он это чувствовал. Ему было безумно приятно, что я совершенно не играла в постели, а с самой настоящей страстью откликалась на каждую его ласку. Он был настолько нежен со мной, что у меня это вызвало улыбку и я прошептала:

– Я не фарфоровая, не разобьюсь.

Засмеявшись он резким движением перевернул меня на живот и схватив больно за волосы произнес охрипшим от страсти голосом:

– Девочка хочет пожестче?

– Хочет, – простонала я и он овладел мной.

Надо признать, хоть мне и не было с кем сравнивать, но я отметила про себя, что любовник Габриель просто великолепный. Женское удовлетворение было для него на первом месте. Он просто упивался теми минутами, когда я, царапая ему плечи, издавала громкие стоны, достигнув пика в нашей игре. Порядком вымотав меня за эту ночь Габриель, наконец, отстал и уснул, крепко прижав меня к себе.

Проснувшись я от того, что мой нос почуял едва уловимый запах ароматного кофе. Открыв глаза, я увидела Габриеля, который уже был полностью одет в военную форму и сидел на кресле рядом с кроватью, с интересом разглядывая меня и потягивал горячий напиток. Я села на постель, натянув на себя простыню и проговорила сонным голосом:

– Что?

– Ты мне нравишься такой, сонной и с растрепанными волосами, – усмехнулся в ответ мужчина.

Я скорчила гримасу, обратив внимание на свое отражение в зеркале:

– Красота – страшная сила, как говорит Аня, – скрипучим голосом ответила я ему, и он зашелся громким хохотом.

– Мне не хватало такого человека рядом, как ты, – успокоившись серьезным тоном сказал немец.

– Не пугай меня, Габриель, ты знаешь меня всего ничего.

– Этого достаточно для того, чтобы понимать, что с тобой не соскучишься.

– О да. Скучать тебе явно не придется, – с только ведомым мне подтекстом проговорила я и мы замолчали, смотря друг на друга.

– Габриель, ты женат? – нарушила я молчание первой.

– А ты хочешь замуж за меня?

– За тебя? О нет, боже упаси! – с наигранным ужасом воскликнула я и уже более серьезно добавила, – и все же.

Немец опустил глаза и пару минут молча смотрел в свою чашку, как будто кофейная гуща подсказывала ему ответ.

– Был женат, – наконец промолвил он. – У меня были жена и трое детей.

– Были?

– Были, – он встал и подошел к высокому окну.

– И что случилось? – не унималась я.

– Они погибли. Все, – хрипло ответил он.

Было видно, что ему больно. Я смотрела на этого человека и понимала, что совершенно его не знала. Оказывается, он тоже мог испытывать горе, хотя казался таким непрошибаемым. Как говорят, у каждого были свои скелеты в шкафу. Я поняла, что больше не хочу ничего у него спрашивать, ничего не хочу знать, иначе моя человечность заведет меня в тупик и с этим мужчиной. Какое бы он не испытывал горе, то, что он творил на моей земле – его не оправдывало.

Выбравшись из постели, я нагишом подошла к нему, он уже сумел взять в себя в руки и холодными серыми глазами смотрел на меня. Жестко развернув к себе спиной, он наклонил над столом и грубо овладел мной. Он словно вымещал на мне зло из-за того, что я посмела своими вопросами вторгнуться в святая святых его прошлого. Когда он закончил терзать меня то нежно поцеловал в шею и, схватив на руки, уложил обратно в кровать. Наклонившись надо мной, провел своим носом по моей переносице и прошептал:

– Ты сегодня остаешься здесь. Выспись хорошенько, прими ванную, я дал указание Марте, что тебе можно все. Ты сегодня хозяйка в этом доме. Я буду поздно и хочу, чтоб ты меня ждала за ужином. В соседней комнате гардеробная, выберешь себе, что надеть.

– Хорошо, – нежно улыбнувшись протянула я. – Все, что захочет господин майор.

Габриель вышел из спальни и улыбка сползла с моего лица.

ГЛАВА 8

Подождав пока за окном стихнет звук отъезжающей машины я, накинув на плечи шелковый халат, вышла из спальни.

«Марта, Марта, что за человек у нас Марта?», – думала я, разыскивая в этом большом доме пожилую домработницу.

Услышав в дальней комнате звук гремящей посуды я направилась туда. Открыв дверь, я оказалась в просторной чистой кухне, в которой вкусно пахло свежее испеченным имбирным печеньем. Я с наслаждением вдохнула этот аппетитный запах, который напомнил мне время, когда на Рождество бабушка пекла такое же печенье и покрывала его сладкой тягучей глазурью белого цвета. Прошлое, прошлое, как было оно для меня дорого! Отогнав от себя печальные мысли, я спросила у суетящейся у печи, словно бы не замечающей моего присутствия, женщины:

– Можно войти?

– Можно, – бросила она сухой ответ, повернувшись ко мне и с нескрываемым интересом разглядывая пару минут, а затем добавила, – Я вам накрою завтрак в гостиной.

– А можно здесь? – спросила я, указав рукой на большой круглый стол из красного дерева, одиноко стоящий в центре комнаты, который как бы всем своим грустным видом говорил мне: «Ну посиди хоть ты тут!»

– Как хотите, – она отвернулась, наливая мне из блестящего пузатого самовара чай. Затем переложила на красивую тарелку яичницу с кусочками колбасы и поставила передо мной на стол.

– Приятного аппетита, – сказала мне Марта и хотела было уже уходить, но я ее остановила.

– Позавтракайте со мной, пожалуйста.

– Прислуге негоже садиться за стол с господами, – отчеканила она, немного удивившись моей просьбе.

Я в недоумении подняла брови.

– Полноте, Марта, какая же я госпожа? Так, мимолетная птица.

Мой ответ явно понравился этой строгой пожилой женщине и она, улыбнувшись и налив себе в чашку чай, подседа ко мне за стол.

– Вы явно не одобряете меня.

– Мое дело здесь уборкой и готовкой заниматься, мадмуазель, а не одобрением или порицанием поведения барышень, которые заходят к господину офицеру.

«Умная», – сделала я для себя вывод.

– И много сюда заходит этих барышень? – не унималась я.

– Много, – внимательно смотря на мою реакцию ответила Марта отпивая чай из чашки.

Но не увидев на моем лице и капли каких-либо ответных чувств на свою реплику явно было обрадована этим.

– Он говорил мне, что был женат, но его семья погибла, – продолжала я, пытаюсь оценить насколько много знает Марта о Габриеле и хоть немного понять, как она относится к нему и смогу ли я ей доверять.

– Вы бы не поднимали эту тему, – сделав небольшую паузу сказала она. – Он очень непростой человек.

– Почему? – пытливо вглядываясь в ее черные, как смоль, глаза продолжала выпытывать я.

– Если не хотите стать здесь еще одной мимолетной птицей, – ответила она моей же репликой.

Я довольно кивнула ей в ответ, сделав для себя вывод, что женщина, сидящая передо мной, при правильном моем подходе к ней явно станет для меня союзницей.

– Габриель сказал, что я могу взять одежду из гардеробной.

– Можете, – и после минуты молчания она добавила, – там полно красивой женской одежды, которую он покупает для своих любовниц.

И тут меня осенило! Она мне дает намек на то, что я не должна быть такой как все! Я откинулась на спинку стула и изумленно смотрела на нее. Она же в свою очередь, допив чай, встала из-за стола и проговорила:

– Прошу меня извинить, но мне нужно идти убирать дом. Майор сказал, что сегодня будет ужинать с вами дома, если вам не составит труда, напишите мне, какие вы блюда хотели бы видеть сегодня на столе?

– Мне все равно, – задумчиво произнесла я, переваривая в голове свое новое знакомство с Мартой. – Уверена, что бы вы ни приготовили, это будет очень вкусно.

Я отодвинула от себя пустую тарелку и, поблагодарив за завтрак, двинулась к выходу. Но на пороге повернулась и спросила:

– Я осмотрю дом, вы не против?

– Конечно, – Марта с одобрением кивнула.

Выйдя в длинный коридор я пошла осматривать этот огромный пустынный дом. Когда-то здесь, наверняка, бегали дети, разгоняя своим звонким криком томящую сейчас тишину. Теперь же в нем царил грустное молчание, которое, казалось, было в тягость и самому дому. Первым делом я пошла в гардеробную. Это было мое чисто женское любопытство, вызванное репликой Марты о том, что там куча одежды. Зайдя в длинную комнату с огромным зеркалом в углу и пушистым тяжелым ковром на полу, я увидела мечту, наверное, каждой молодой девушки. Бесчисленное количество нарядов висело в шкафах. Шелковые, муслиновые, гипюровые платья всех цветов радуги одиноко ждали того момента, когда какая-либо женщина наденет их и выведет в свет посмотреть на то, что же происходит за стенами этого дома. Шляпки, накидки, перчатки и мягкие шубки, туфли, украшения – все это добро лежало без дела в этой комнате, больше похожей на магазин женской одежды. Я удивленно посмот-

рела на всю эту красоту и захлопнула дверь, пребывая в полной уверенности в том, что ничего отсюда брать не стоит.

Теперь же моей следующей целью было найти кабинет Габриеля. У него просто должен был быть кабинет. Открывая дверь за дверью, я наконец попала в небольшую уютно обставленную комнату, одну стену которой занимала огромная библиотека, по центру стоял дубовый стол, а в углу, рядом с большим глобусом, стоял сейф. Выглянув за дверь, я убедилась по доносящимся из кухни звукам, что Марта вряд ли побеспокоит меня еще некоторое время, и быстро подошла к сейфу. Дернув за ручку я, как и предполагала, удостоверилась, что он надежно закрыт. Затем я двинулась к столу, в надежде, что возможно где-то смогу найти ключ. Хотя прекрасно понимала, что такой человек, как фон Вольф вряд ли хранит ключ на видном месте. Скорее всего он надежно его прячет или носит с собой. Но чем черт не шутит. Подойдя к столу я открыла ящик и пошарила в нем, естественно ничего не найдя. С недовольным видом задвинув его обратно, я принялась рассматривать документы, которые с свойственной немцам скрупулезностью были сложены на столе. Пробежав глазами по нескольким, ничего не значащим письмам я наткнулась на какую-то карту с датами и отметками. Изучив хорошо все надписи, меня осенило! Я держала в руках карту с отмеченными путями перевозки грузов на ближайшие две недели вперед, скорее всего продовольственных, поскольку каждая дата, проставленная на карте, означала вторники, а так как Аня говорила, что продовольствие привозят по вторникам в основном, то не исключено было, что моя догадка была верной. Найдя на столе чистый лист бумаги и на скорую руку перерисовав увиденное, я сложила все, как есть и тихонько выскочила из кабинета, осторожно прикрыв за собой дверь. Больше ничего в доме меня не интересовало. Я прошла в гостиную и села в кресло, изучая то, что сейчас было мной скопировано. Так я сидела около часа, потом поразмыслив пошла на кухню к Марте и сказала:

– Мне отлучиться надо на пару часов, к ужину обязательно буду. Если можно, приготовьте мне ванную перед моим приходом.

– Как скажете, – ровным тоном ответила женщина, затем, подойдя ко мне, положила свою руку на мое плечо и тихо проговорила, – господин офицер не любит, когда кто-либо заходит в его кабинет, даже мне там убирать запрещено.

Я побледнела.

– Когда выходите оттуда, пожалуйста, ключ оставляйте повернутым так, чтобы он занимал горизонтальное положение по отношению к полу, – похлопав меня по плечу закончила она и улыбнувшись пошла заниматься своими делами.

Я стояла и испуганно хлопала ресницами. Как я могла быть так неосторожна? Но моя интуиция мне упорно подсказывала, что этой женщине можно доверять. Когда я уже отвернулась и пошла к выходу в коридор, то услышала, как женщина тихо проговорила слово: «Кукушка».

– Что, простите? – оторопело спросила я.

Марта смотрела в окно, затем повернувшись ко мне отчетливо произнесла наш пароль. Значит Марта и есть тот самый агент, о котором мне говорила Аида Львовна, когда предупредила, что со временем меня в городе найдет наш человек.

– Время идет, – проговорила я в ответ.

После я подошла к старой женщине и с облегчением обняла ее. Марта же сказала:

– Иди, у тебя мало времени.

Я кивнула и выбежала в прихожую. В спешке накинув пальто, укутавшись в теплый шарф и надев до блеска начищенные Мартой кожаные сапоги, я поспешила в театр к Ане.

Здание и в дневное время кипело жизнью. Уборщицы до блеска натирали паркет, официантки крутили затейливые фигурки из салфеток, музыканты репетировали.

Зайдя внутрь и с наслаждением вдохнув теплый воздух я направилась в примерку. Очувшись в комнате, где царил неизменный творческий беспорядок, я увидела Аню, которая что-то беспокойно обсуждала с Сашкой.

– Привет, – кинула я, раздеваясь на ходу.

– Привет, заходи, мы ждали тебя. У нас плохие новости. Костю взяли вчера, пытали в гестапо, тела пока нет на площади, скорее всего он еще жив.

– Я знаю, что его пытали, фон Вольф вчера обмолвился.

– Если он кого-то сдаст, то нам всем конец.

– Не сдаст же еще, иначе вы бы здесь сейчас не сидели, – с уверенностью проговорила я, отхлебывая горячий кофе из Анькиной чашки.

– Не сдаст, Костян, он сильный, я знаю, – нервно промолвил Сашка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.